

Наталья КОЛЕСОВА
У П Р А В Л Е Н И Е

Новокузнецк
2018

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА
У П Р А В Л Е Н И Е

Повесть

Новокузнецк
2018

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К 60

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Управление : повесть / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Compani», 2018. – 72 с.

16+

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». С 2009 по 2018 год в издательстве АСТ, а затем «Эксмо» вышло ещё шесть романов Натальи Колесовой, а роман «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади» вышел и вторым изданием в покетбуке.

В Новокузнецке вышло семь книжечек Натальи Колесовой.

Он услышал смех и замедлил шаг. Неразборчивая фраза – и снова смех, неприлично откровенный и громкий в безлюдных коридорах Управления. Он толкнул дверь и вошёл. Офицеры поднялись при его появлении. Но по-разному. Гартти неторопливо выпрямился за своим заваленным чем попало столом и небрежно махнул рукой где-то возле уха.

– Командор?

Улыбаться он не перестал, словно был рад его видеть. Или в самом деле рад? Зато перестала смеяться его собеседница. Вскочила с кресла, как пружинной подброшенная, и теперь стояла, опустив руки по швам и глядя на него напряжёнными глазами. Волосы, обычно собранные на затылке, сейчас свободно спускались ниже плечевой нашивки. Он поднапряг память. Управление традиционно считалось мужской епархией, и женщин здесь работало не так уж много. Кажется... да, год назад...

– Младший офицер Эшли, – сказал уверенно.

Женщина моргнула.

– Да, командор?

Он молчал, не зная, что сказать. Обвёл взглядом заклеенные яркими плакатами стены. Гартти кашлянул.

– Не хотите присоединиться, командор?

Он посмотрел на стоявшие на столе чашки с недопитым кофе.

– Пожалуй...

Прошёлся по комнате – офицеры, как подсолнухи, повернулись следом. Снял плащ и положил на подоконник.

– Один момент, командор, сейчас подогрею, – суетился Гартти. Кофе в чашках уже остыл, но не допит – сидят давно, но больше разговаривают, чем пьют. Не то, что сейчас, – Эшли словно язык проглотила. По молчаливому кивку командора, помедлив, вновь села, но не так, как раньше – свободно откинувшись на спинку стула, скрестив вытянутые ноги – прямо, точно по вызову у него в кабинете, положив руки на плотно сомкнутых коленях. Холт начал жалеть, что заглянул сюда. Испортил весёлую компанию...

Гартти, подъехавший к нему с чашкой кофе, заметил:

– Сандерс тоже любил сидеть здесь, на подоконнике. Говорил, отсюда видно весь город.

Холт сделал глоток – очень крепкий кофе, слишком крепкий – глядя вниз, на разноцветный поток машин, движущийся по мокрой улице. Он не знал, что Сандерс бывал здесь. Он многого не знал.

– Он часто приходил сюда?

– Когда как, – охотно отозвался Гартти. – То неделями не появлялся, то каждый вечер... Славный парнишка.

И добавил, словно спохватившись:

– Был.

Холт поднял набрякшие веки. Младший офицер Эшли сидела, уставившись в свою чашку. А как часто *она* здесь бывала? И как близко знала Сандерса? Он любил женщин...

Холт медленно провёл взглядом по замкнутому лицу Эшли – ничего примечательного, запоминающегося – идеальное лицо человека в толпе. Разведчика. Женщины Управления предпочитали короткие стрижки или аккуратное «каре». У Эшли волосы были несколько длинноваты. Её ресницы дрогнули, и он отвёл взгляд. Снова глотнул кофе, раздумывая, что бы ещё спросить о Сандерсе. О чём он говорил? Над чем смеялся? Нравился ли ему крепкий несладкий кофе? Ухаживал ли он за младшим офицером Эшли?

Вышеупомянутая Эшли поставила чашку на стол и встала.

– Прошу прощения, командор. Я могу идти?

Холт тоже поднялся.

– Поздно. Спасибо за кофе, Гарти. Ты домой?

– Нет, ещё повоюю, – тот подмигнул карим лукавым глазом. – Спокойной ночи, командор! Заходите, как захочется словечком перемолвиться.

Эшли молча кивнула архивариусу, помедлила у дверей, пережидая старшего по званию. Она явно не горела желанием ехать с ним в одном лифте и вошла следом лишь когда, придерживав дверь, командор взглянул на неё вопросительно. Если бы лифт двигался не так быстро, молчание стало бы просто неприличным. Эшли упорно не сводила глаз с указателя этажей. Он и не замечал, что действует на женщин, подобно Медузе Горгоне...

Офицеры вышли в гулкий от пустоты вестибюль. Дежурный, едва не подавившись бутербродом, вскочил, приветствуя командора и открывая замок двери. Они вышли в морозящий сумрак, одновременно подняли головы к небу и запахнули плащи. Эшли зябко поёжилась, не торопясь выходить из-под козырька. Командор мельком взглянул на неё.

– Вам куда?

– В офицерское общежитие.

Он кивнул.

– Садитесь в машину.

– Но я...

– Садитесь.

Подчинившись с видимой неохотой, она собиралась хотя бы сесть на заднее сиденье, но Холт уже открыл перед ней дверь. Водил он почти всегда сам. Волосы женщины намокли; когда она откинула их с лица, слабо пахнуло духами. Приятный запах.

– Я знаю это общежитие, – сказал командор. – Сам жил, когда только начал работать в Управлении.

– Вот как? – вежливо сказала Эшли, и он умолк.

Она взглянула в зеркало заднего вида. Раз. Через некоторое время – ещё раз. Обернулась. Посмотрела на командора.

– Охрана, – сказал он равнодушно. Неплохая реакция для преподавателя. Хотя не всегда же она была преподавателем...

Холт остановил машину, не доехав до угла здания.

– Спасибо, – сказала Эшли отрывисто. – Спокойной ночи, командор.

– Вы хорошо знали Сандерса?

Её рука замерла на ручке двери.

– Не слишком.

Она подождала, но продолжения не последовало. Кивнув, Эшли открыла дверь и нырнула под дождь. Холт глядел, как, подняв воротник, слегка ссутулясь, она спешит к воротам главного подъезда. Открыл дверь и крикнул:

– Подождите!

Она не услышала или сделала вид. Командор догнал её уже у двери, перехватил руку, протянутую к звонку.

– Пойдите...

Она повернулась.

– Прошу прощения?

Так как Холт молчал, она подчёркнуто внимательно взглянула на его руку. Голос её стал ледяным:

– Разрешите пройти, командор?

Да она решила, что он... Холт поспешно разжал пальцы, сунул руки в карманы плаща.

– Мне нужно поговорить с вами.

Левая бровь её слегка приподнялась.

– Сейчас?

– Да.

– Это приказ?

– Просьба.

Отказывать в просьбе командору может только... а кто, собственно, может? Она, колеблясь, посмотрела вверх, на залитые светом окна общежития. Холт понял.

– Разумеется, не здесь. Поужинаем?

Губы её слегка дрогнули.

– В офицерской столовой?

Он хмыкнул:

– Поищем что-нибудь потише.

– И повкуснее, – добавила Эшли. – Я могу переодеться?

Вольф. Вот уж действительно – волк. Давняя кличка очень подходила ему. Заматеревший, холодный, уверенный. Серые глаза, серые волосы с заметной сединой, худое малоподвижное лицо... Но когда он сидел там, на подоконнике, вдруг очень напомнил ей Сандерса – поворот головы, манера держать чашку... Рик так хотел походить на своего кумира.

Карен быстро расчесала волосы, пробежала пальцами по пуговицам блузки. Она вовсе не собиралась надевать ничего нарядного, просто не хотела привлекать внимание своей офицерской формой. А командор и без того почти

всегда ходит в штатском. Взглянула в зеркало – чёрная юбка до середины колен с наискромнейшей шлицей, блузка горчичного цвета, телесные колготки, туфли на низком каблучке – учительница воскресной школы, да и только. Она собиралась тронуть губы помадой и вдруг разозлилась – какого чёрта! Хотя, по правде сказать, когда он схватил её за руку на крыльце, она так растерялась, что подумала... И вместо того, чтобы просто подождать, попыталась осадить его – словно это был не командор, а старший офицер Корнблат с его вечной ухмылочкой: «Я знаю, чего ты хочешь, детка...» Схватив коричневую замшевую куртку, она захлопнула дверь, не забыв приклеить незаметную ниточку к косяку – от старых привычек избавляться трудно.

Да и незачем.

Шатенка, слегка отдающая в рыжину, хотя без присущей всем рыжим прозрачности легко вспыхивающей кожи. Он мог бы поклясться, что глаза у неё карие, но когда она взглянула на него, передавая меню, они оказались зеленоватыми в карюю крапинку. Губы крепкие, сочные – или это удачная помада?

– Ваш заказ?

– Два бифштекса с кровью, салат.

– Жареное мясо, морской коктейль и два салата, – решительно сказала Эшли. – Потом кофе со сливками и пирожное.

– Вино красное?

– Ну, если командор позволяет...

– Позволяет и настаивает. И оставьте на сегодня звания. Сейчас я для вас Алекс.

– А я...

– Знаю. Карен.

– Феноменальная память или вы просматривали заново моё досье?

– В юности я специально тренировал память – больше-то похвастать было нечем...

Она вскинула взгляд.

– Это вам-то?!

Он хмыкнул, невольно чувствуя себя польщённым её непритворным изумлением.

Они молчали, поглядывая то в зал, то друг на друга, пока официант не принёс заказ. Эшли взялась за вилку.

– О чём вы со мной хотели поговорить?

– Ешьте. Потом.

– Понятно. Не хотите портить мне аппетит.

Ему понравился её холодноватый, без улыбки, юмор.

Эшли принялась за ужин. Давненько она не ела так – основательно, в хорошем уютном месте. В компании мужчины. Она вскинула глаза. Мужчина сидел, держа в руке почти полный бокал. Он едва ли притронулся к своим бифштексам. Ну, какие бы не были заботы у командора, ужин в его

компании для младшего офицера Управления – событие неординарное. Большинству из них удавалось увидеть Мастера только мельком в коридоре. Чтобы эдакое его спросить, раз подвернулся случай... Эшли глотнула ещё вина – оно ударило в желудок. И в голову. Потому что, отрезав очередной кусок мяса и отправив его в рот, Эшли внезапно спросила:

– Не тяжело быть живой легендой?

Спросила – и испугалась. Командор, видимо, думал о чём-то, потому что не сразу её услышал. А услышав, не сразу понял. Моргнул, уставился на неё. Холодные его глаза прищурились – и внезапно потеплели.

– Тяжеловато, – признался, помедлив. Откинулся на спинку сиденья. – Не всегда получается соответствовать. Кроме того, став легендой, перестаёшь быть живым человеком. У легенды не может быть слабостей – а значит, и друзей, близких... И совершенно нет прав на ошибку.

Эшли смотрела на него в упор.

– Вы ешьте, ешьте, – сказал он ласково.

Она вновь начала жевать, заметив невнятно:

– Слава Богу, *мне* это не грозит. А... простите, командор...

– Алекс. Что вы хотели спросить?

– Когда вы идёте к женщине... ещё раз простите... охрана тоже присутствует? Или вы выбираете женщин так же тщательно, как и работников Управления?

– Охрана ожидает в машине.

Она уловила предупреждающий холодок в его голосе и допила вино – простите, зарвалась. Сам виноват. Нечего было изображать из себя эдакого «рубаху-парня»: Алекс-Карен – чтобы потом осаживать её. Хотя, признаться, она провоцировала его сознательно. Ситуация порядком нервировала, и ей хотелось побыстрее вернуться к отношениям «командор-младший офицер», вернее, к отсутствию всяких отношений. Легенда, пусть и живая, подразумевает некоторую дистанцию – если не во времени, то хотя бы в пространстве.

– Так о чём вы хотели поговорить со мной? – спросила она, деловито отодвигая тарелку.

– Может быть, кофе?

– Не будем откладывать.

– О Сандерсе.

Что и требовалось доказать.

– Всё, что я могла рассказать, – официально заявила Эшли, – я уже рассказала следователям. Ничего нового... даже за этот прекрасный ужин... я вам сообщить не могу.

– Каким он был?

– Что? – слегка опешила Эшли.

– Каким он был? – Холт чуть подался вперёд. – Вы знаете его лучше, чем любой, самый опытный, следователь.

Она глядела на него, явно пытаясь понять, зачем ему это нужно. Чуть нахмурилась.

– Славный парень. Правда, славный. Единственной его слабостью были... нет, ни женщины, ни алкоголь, ни наркотики, ни даже карьера – вы, командор. О вас он мог говорить часами. Он был просто влюблён в вас... если вы меня понимаете.

Он потёр лоб рукой, чтобы Эшли не видела его лица.

– Итак, у него не было особых слабостей и особых пороков?

– Если и были, я о них не знаю, командор.

– Он не пил, не употреблял наркотики, не попадал в истории с женщинами, не играл в азартные игры... и в Управлении его ценили.

– Точно так, командор.

– Тогда почему же здоровый молодой мужчина в расцвете лет и карьеры стреляет в себя из собственного пистолета в своём собственном кабинете?

Она не спускала с него внимательных глаз.

– Не знаю, командор.

– Вы не задавали себе этого вопроса?

– Задавала.

– И?

– И не знаю ответа. Помрачение рассудка – чем не объяснение?

– Это не объяснение.

– Другого я не знаю. И следователи, кстати, – тоже.

Он посидел ещё, словно чего-то ожидая. Эшли старалась не моргать под его пристальным взглядом. Вряд ли он пытается её загипнотизировать – и под гипнозом она бы повторила то же самое. Командор тяжело поднялся.

– Спасибо, младший офицер Эшли.

– Не за что, командор, – она поспешно встала, надевая куртку. Командор уже шёл к выходу. Откуда-то появилась пара мужчин, один вышел первым, второй следовал за Карен. Он вовсе не дышал ей в затылок, но она остро ощущала охранника за спиной. Как к этому вообще можно привыкнуть?

Обратно они тоже ехали молча. Командор сосредоточенно следил за дорогой, Эшли поглядывала искоса. И всё это – ради одного-единственного вопроса, на который он так и не получил ответа?

– Извините, что испортил вам вечер, – сказал он, затормозив перед общежитием.

– С большим удовольствием поужинала с вами, командор.

– Не врите, младший офицер Эшли, – строго сказал он, и она тихонько рассмеялась, выходя из машины.

– До свиданья, командор.

Нитка между косяком и дверью была порвана.

Он приостановился у стеклянной стены, глядя сверху на небольшую аудиторию. Женщина-преподаватель чертила на доске какую-то замысловатую схему. Обернулась к аудитории – и к нему. Вся – деловитость и подтянутость, форма скрадывает очертания фигуры, волосы заколоты на затылке. Она подняла взгляд, и командор машинально кивнул. Не ответив

на приветствие, она резко развернулась и отошла к доске. Раздражение – из-за того, что он наблюдал за ней? Или из-за вчерашнего нелепого вечера?

Если с утра она ещё колебалась, как поступить, то встретив его холодный изучающий взгляд, Карен решила нарушить все мыслимые и немыслимые правила субординации.

Секретарь – высокая худая женщина со взглядом бывалого сержанта, перевернула несколько страниц своего ежедневника.

– Вам было назначено, младший офицер?

– Нет.

– Ваш визит касается личных или служебных вопросов?

– Ни то и ни другое. Хотя нет, скорее, служебных.

Губы фурии поджалась.

– Так первое или второе?

– Второе.

– Вам следовало записаться на приём заранее. У командора расписано всё до минуты. Не думаю, что он сможет уделить вам время. Советую обратиться к руководителю своего сектора.

– Я подожду, – сказала Эшли предельно вежливо и опустила на стул под негодующим взглядом секретаря.

Вскоре она уже устала вскакивать каждый раз, как открывались двери. Раньше она и предположить не могла, сколько через командора за день проходит людей. Удивительно, что к вечеру он ещё в состоянии с кем-то общаться...

Час шёл за часом. Карен морщилась, представляя, что творится с её телефоном и компьютером, но с обречённым упорством продолжала ждать.

Она вновь вскочила на гудевшие ноги – из кабинета командора, негромко переговариваясь, выходили люди. Последним вышел сам Холт. Натягивая плащ, мельком взглянул на замершую Эшли и остановился у стола секретаря.

– Что-нибудь срочное? – спросил, быстро проглядывая почту.

– Звонил господин Айсман – напомнить про ужин.

– Да-да, я помню... А кого ожидает младший офицер?

Секретарь взглянула на Эшли с неудовольствием.

– Младший офицер уверяет, что имеет к вам важное и срочное дело – личное или служебное, я так и не разобралась.

Командор, наконец, соизволил взглянуть на Эшли.

– Настолько важное, что вы потеряли полдня у меня в приёмной?

– Я так считаю, командор.

Он посмотрел на часы.

– В вашем распоряжении три минуты.

Стараясь не глядеть на онемевшего секретаря, Карен вошла в кабинет след за командором. Он развернулся, едва дойдя до стола.

– Вы что-нибудь вспомнили?

Карен напряглась.

– Вспомнила?

– О Сандерсе? – подсказал командор.

– Нет. Я... по другому вопросу.

Он легко вздохнул.

– Слушаю.

Эшли набрала воздуха и выпалила:

– По чьёму указанию у меня в квартире произведён обыск?

Выражение его лица не изменилось, лишь серые глаза на мгновение сузились. Командор, почти не глядя, пробежал пальцами по кнопкам.

– Службу безопасности.

Через пять минут выяснилось, что ни одно из подразделений СБ и СК обыска в квартире младшего офицера Эшли не производило. Командор отключил связь и посмотрел на молча стоявшую Эшли.

– Вы удовлетворены?

– Частично. Обыск был сделан так профессионально, что я подумала...

– Что я специально пригласил вас вчера на ужин, чтобы ребята могли без помех обыскать вашу квартиру? А вам не приходило в голову, что гораздо проще это проделать днём, в ваше рабочее время?

Идиотка. Карен с тоской и отвращением услышала свой запинаящийся голос:

– Вы сами учили, что следует связывать несколько следующих друг за другом необычных событий...

Он слегка наклонил голову, словно ожидая объяснения, и ей пришлось продолжить:

– Ужин с командором рядовым событием не назовёшь. Извините.

– Нет, – сказал Холт спокойно, взглянув на часы. – Не извиняю. Вы отняли у меня пятнадцать минут. Ваше время вышло, но так как мы ещё не всё обсудили, готовьтесь ещё к одному нерядовому событию... Маргарет, – сказал он, подходя к дверям. – Во сколько у меня ужин с Айсманами?

– В девятнадцать тридцать, командор. В ресторане...

– Да-да, я помню, – пересекая приёмную, Холт обернулся. – Младший офицер Эшли!

– Да, командор?

– Сейчас идёте домой и ждёте людей из службы безопасности. В девятнадцать-пятнадцать спускаетесь вниз. Я буду ждать вас в машине. Желательно переодеться.

– Но... – растерянно начала Карен, но командор уже ушёл. Осознав, что стоит с открытым ртом посреди приёмной под пронзительным взглядом сержанта в юбке, Эшли нахмурилась и подчёркнуто неторопливо направилась в свой аналитический сектор.

Ровно в девятнадцать-пятнадцать Эшли вышла из подъезда и, аккуратно ступая по мокрому асфальту, чтоб не забрызгать светлые колготки, дошла до ожидавшей её машины. Сегодня она не пыталась удрать от него на заднее сиденье, и командор отметил её стройные ноги, полуприкрытые тяжёлым шёлком юбки. Сложив на коленях руки, как примерная

школьница, Эшли смотрела в окно перед собой. Командор пару раз взглянул на неё, потом осведомился:

– СБ провела работу у вас в квартире?

Прекрасно зная, что ему уже всё доложили, Карен не поддавалась на попытку завести разговор, отделавшись односложным «да». Подумав, командор решил кое-что пояснить:

– Мы действительно не закончили наш разговор. А Айсман явится на ужин со своей женой, которую очень любит, и это задевает даже такого старого холостяка, как я. Таким образом, я убью двух зайцев.

Продолжая внимательно следить за дорогой, Эшли добавила:

– Даже трёх.

– То есть?

– Знакомых женщин пришлось бы приглашать заранее, а я очень вовремя подвернулась под руку, и мне можно было просто приказать.

Обиделась? Странно, ему казалось, она довольно... неэмоциональна. Он вздохнул коротко, досадуя, но ответил только:

– Точно так.

Через несколько поворотов Холт заговорил вновь:

– Рассказывайте.

Она поняла без переспросов.

– Как я и говорила, обыск произведён очень профессионально. Хотя перерыли буквально всё, я бы не заметила... во всяком случае, не сразу... если бы не нитка.

– Нитка? Какая нитка?

– От двери к косяку. Я всегда закрепляю её перед уходом. Она была порвана. – Эшли украдкой взглянула на командора. Тот кивнул, словно такие меры предосторожности, применяемые преподавателем, были в порядке вещей.

– Итак, нитка была порвана... что вы предприняли дальше?

– Убедилась, что в квартире никого нет.

– Каким образом?

– Проверила датчик, – не дожидаясь вопросов, пояснила, – датчик теплового излучения. Я установила его в квартире.

Командир бросил на неё непонятный взгляд.

– Когда датчик указал на отсутствие в квартире живых существ, я вошла. Все вещи находились на своих местах. Одежда, книги сложены так же. Кое-какие мелочи... Когда живёшь одна, замечаешь – чуть примята подушка, больше обычного отодвинута штора... Но скорее всего, я бы не заметила, если бы не...

– Нитка! – подхватил командор. – Что бы мы делали без старых добрых привычек!

Карен покосилась. Издевается? Холт казался задумчивым.

В этом ресторане она ни разу не была. Слишком дорогой и шумный. Их довели до столика в самом углу зала. Из-за стола поднялся коренастый мужчина в светлом пиджаке.

– Боже, неужели это Алекс! И с девушкой! Рад, что ты всё-таки нашёл для нас время!

Эшли поймала его любопытный взгляд и вежливо улыбнулась сидящей за столиком миловидной женщине.

– Это Эшли, – коротко представил Холт. – Тим Айсман. Мари.

– Эшли... а дальше?

– Карен, – сказала Эшли.

Они переговаривались, как давно знакомые люди – подшучивали друг над другом, вспоминали какие-то случаи и имена. Карен слушала, почти не принимая участия в разговоре. Воспользовавшись тем, что мужчины заспорили о выборе вин, Мари наклонилась поближе к соседке:

– Держу пари, вы его подчинённая!

Карен холодно улыбнулась.

– Выиграли. Неужели так заметно?

– Вы держитесь так... корректно и сдержанно. И ещё я заметила, что вы хотели пропустить его в дверях вперёд.

Карен пригубила вина, внезапно развеселившись – командору следовало бы пригласить Мари Айсман к себе на службу.

– Итак, вы работаете в Управлении?

– Да.

– О, это интересно! Женщина-разведчик...

– Вынуждена вас разочаровать. Я на аналитическо-преподавательской работе.

– Но в прошлом были им? – настаивала Мари. – Алекс как-то говорил, что берёт в Управление исключительно... как это?.. «полевиков».

Карен двинула бровями. Видимо, Холт и впрямь был давно дружен с этой парой.

– Да, – призналась она. – Раньше я занималась оперативной работой.

– А почему...

– Не хотите потанцевать? – выручил её Холт. Карен с облегчением поднялась. Командор вывел её за руку на маленький пятачок, где двигалось ещё несколько пар. Эшли танцевала, ощущая мимолётное прикосновение его плотного тела, твёрдость плеч, на которых лежали её руки. Рассеянно поглядывала по сторонам. Вот Айсманы склонились друг к другу, поглядывая в их сторону – наверняка обсуждают, насколько она подходит их обожаемому другу. На мгновение ей стало любопытно – и насколько же?

– Пари? – неожиданно предложил командор, и Карен непонимающе взглянула в его близкое лицо. Обнаружила в уголках глаз незнакомую усмешку. Он что, прочитал её мысли?

– До конца танца вы их не найдёте.

– Кого?

– Моих телохранителей.

Что-то все сегодня желали заключить с ней пари. Причём беспроигрышное – для них. Эшли обвела зал прищуренным взглядом.

– Бутылка шампанского?

– С моей стороны.

– А с моей?

– Разрешение посетить вашу квартиру. Не напрягайтесь. Я имел в виду только то, что сказал.

– Зачем? – спросила Эшли через паузу. Командор улыбнулся сомкнутыми губами.

– Должен же я посетить место собственного преступления!

Эшли уставилась ему в грудь.

– Я уже извинялась.

– Что-то такое припоминаю... Просто поговорить здесь, похоже, не удастся. Не хотелось бы портить друзьям вечер. Итак?

– Ну, хорошо, – сказала Эшли, глядя ему за плечо. – Но я всё-таки попытаюсь.

– Молчу, чтобы вас не отвлекать.

Что-то он много сегодня ухмыляется – как волк, заманивающий Красную Шапочку. Эшли скользила взглядом по залу. Свет, подходящий для создания интимной обстановки, и всё же достаточный, чтобы можно было отыскать знакомых. Они должны хорошо видеть дверь и окна, и находиться на достаточно близком расстоянии... Возраст – двадцать пять-сорок пять, телосложения спортивного, пол... любой. Ещё – взгляд. Но все, с кем она встречалась глазами, выглядели расслабленными и явно наслаждающимися отдыхом. Эшли по очереди оглядела соседние столики. Четверо шумно разговаривающих мужчин. Пара средних лет, молча поглощающая ужин, двое изрядно подвыпивших джентльменов, доказывающих друг другу преимущества различных вложений капитала, парочка влюблённых держались за руки и ничего не замечали вокруг... Эшли вздрогнула, когда рука командора обвилась вокруг её талии.

– Время вышло.

Она и не заметила, когда смолкла музыка. Последний раз окинула взглядом столики. Слегка вздохнула.

– Вот эти.

Командор посмотрел на влюблённых, и Карен поняла, что ошиблась – прежде, чем он заговорил.

– Увы, – сказал командор серьёзно. Эшли пожалала плечами, досадуя, что так расстроилась из-за этого маленького проигрыша. Подойдя к столику, Холт взглянул на часы.

– К сожалению, нам с Карен пора.

Не слушая шумных протестов друзей, накинул на плечи Эшли жакет и приобнял её за талию. Объяснил серьёзно:

– У нас кое-что ещё запланировано на этот вечер.

Пара понимающе закивала, а Карен еле удержалась от гневного взгляда – то, как он это сказал, подразумевало вполне определённые вещи...

Холт пропустил её вперёд, чтобы, оглянувшись, Эшли случайно не увидела последовавшую за ними влюблённую пару.

Пока они поднимались по лестнице, Карен судорожно вспоминала, в порядке ли квартира. Сегодня она собиралась в спешке, вещи наверняка разбросаны...

– Ну как? – спросил командор негромко, когда Эшли проверила свою знаменитую нитку. Эшли молча кивнула и открыла дверь.

Это была казарма в миниатюре. В общем-то, он ожидал чего-то подобного, но всё же... Ничего, что бы говорило об индивидуальности, привычках, интересах живущего. Порядок, ни одной лишней вещи на виду, да и вещей наверняка немного – оперативная работа требует лёгкости на подъём. В общем, комната в отеле, где так быстро и много меняется постояльцев, что ни один не успевает оставить после себя и следа.

Эшли пошла вперёд, быстро подбирая что-то, разглаживая невидимые складки, собирая микроскопические соринки, передвигая в симметричное состояние книги...

– Значит, вот здесь вы и живёте, – сказал он зачем-то. Эшли глядела настороженно:

– Да. Хотите кофе?

Он не хотел, но ей, похоже, нужна была передышка. Холт серьёзно кивнул.

– Очень.

Эшли скрылась на микроскопической кухне. Он прошёлся по комнате, заложив руки за спину. Осмотрел стоявшие на полки книги – опять ничего лишнего, нет даже детектива в мягкой обложке – различные справочники, словари...

Карен гипнотизировала слишком быстро, по её мнению, закипавший кофейник. Нечего нервничать, словно девочке на первом свидании. Тем более, что намерения у них обоих ничего общего со свиданиями не имеют – сугубо деловая встреча.

На личной территории.

Она вынесла поднос с кофе и увидела, что командор стоит на пороге крохотной спальни, разглядывая её. Эшли поставила поднос на журнальный столик с излишним стуком. Холт обернулся. Оттолкнувшись плечом от косяка, с безмятежным лицом прошёл и сел в кресло.

– Вы позволите? – он взялся за галстук.

Она кивнула. Да ведь он, наверное, уже с ног валится от усталости... Командор ослабил узел, стянул галстук, расстегнул воротник рубашки, снял и небрежно бросил пиджак на спинку кресла. Обнаружив, что напряжённо рассматривает его обтянутые голубой рубашкой плечи, Карен перевела взгляд в кружку. Командор поставил на стол маленькую коробочку, что-то нажал – Эшли ощутила не звук – вибрацию, лёгкое гудение, заполнившее не то что комнату – каждую клеточку её тела.

– Глушитель записи, – пояснил командор, беря в руки чашку. – Хотя я и уверен в работе СБ, у меня всё же есть своя лёгкая паранойя.

Он почти извинялся – это перед ней-то, с её любимой ниткой!

Холт не сказал ей, что видеокамера и без того установлена в её квартире, как, впрочем, и в других квартирах офицеров Управления. Компьютер включал камеры в произвольном порядке – за исключением постоянных наблюдений по распоряжению службы безопасности. Эшли пока в это число не входила. А жаль.

– Итак, – сказал он, отставляя чашку. У кофе был горьковатый привкус, как, впрочем, и в устремлённом на него взгляде женщины. Эшли очень не нравился его сегодняшний визит – едва ли не больше вчерашнего вечера. Не очень-то она гостеприимна... даже в отношении людей, занимающих высокое положение и могущих быть ей полезными.

– Итак, – повторила она, отставив свой кофе.

– Не сомневаюсь, что продублирую список вопросов, которые предъявила вам СБ. Чем вы занимаетесь в Управлении, кроме преподавательской работы?

– Анализом статданных в пятом секторе.

Эти данные необходимы для разработки новых операций, но не засекречены, и вряд ли могут представлять интерес для... для?

– Вы когда-либо приносили свою работу домой, обсуждали, советовались с кем-нибудь из своих знакомых... в том числе и из Управления?

Эшли смотрела прямо.

– Я похожа на сумасшедшую?

– Это не ответ.

– Нет, командор. Три раза нет.

– Были ли у вас ссоры с сослуживцами, друзьями, сексуальными партнёрами?

– Нет.

– Счастливица, – пробормотал командор. – Кто из ваших бывших друзей, сослуживцев, родственников знает о вашей новой работе?

– Практически вся наша группа, региональное начальство; родственники – туманно – «работа в конторе»... ещё пара приятелей.

– Напишите их полные имена и адреса. А заодно перечислите тех, с кем вы поддерживаете отношения в Управлении.

Эшли писала – распущенные волосы падали по обе стороны склонённого лица, образуя неровный пробор. Он взял список, взглянул и сунул в карман пиджака. Негусто. Эшли не торопилась обзаводиться друзьями на новом месте. Первая часть списка была гораздо внушительнее.

– Вам придётся также написать, каким образом, в какое время, при каких обстоятельствах вы обнаружили проникновение в своё жилище...

– Рапорт готов, – сказала Эшли. – Я собиралась вам вручить его сегодня днём, но...

Командор поднял брови, принял второй листок. Встал, подхватывая пиджак.

– И ещё... Эшли, у вас нет никаких версий?

– Ни одной, командор.

– Вам сменили замки?

– Да. Хотя, если это специалист...

Или кто-нибудь из Управления, мысленно добавил он. Да, вряд ли это поможет.

– Спасибо за сотрудничество, – сказал он.

– Не за что. Я всего лишь выполняла ваш приказ, командор.

Ну разумеется. Чего он ожидал – изъятия пылкой благодарности?

– До завтра.

– До свидания, командор.

Он шёл вниз, насвистывая. Пожалуй, стоит сменить телохранителей. Если уж бывший оперативник мог их вычислить... нет, не то – просто он не хотел, чтобы Эшли поняла, что её обманули, когда вновь увидит рядом с ним ту воркующую пару...

– Вы уже проверили досье младшего офицера Эшли?

Пауза. Начальник службы безопасности сказал осторожно:

– Разумеется, командор. Как и каждого, с кем вы встречаетесь во внеслужебное время.

– Два вечера, – пробормотал Холт.

– Два вечера *подряд*, командор.

– Я хочу взглянуть на досье.

Место рождения, год рождения... м-да... отец – бухгалтер, мать – домохозяйка, сестра замужем за педиатром, трое детей... И откуда же в этой мирной семье такая боевая девочка? Школа обычная, интересы – иностранные языки. Юридический колледж. Университет. Уголовное право. Спецшкола. Девять лет... девять?! оперативной работы. Полтора года назад – тяжёлое ранение при завершении операции в Мексике. Рекомендована для работы в Управлении региональным руководством. Рост, вес, цвет глаз, волос... Награды. Звание. Увлечения – стрельба, опять же языки. В свободное время – прогулки в Центральном парке, поездки в горы. Приятели, с которыми она наиболее часто общается... Все их имена присутствуют во втором списке

Он закрыл папку, постукивая пальцами по пластику. И что это нам даёт? Ровным счетом ничего.

Эшли не сразу обратила внимание на опустившуюся на столовую тишину. Подняла голову на звук разом отодвигаемых стульев, и, едва не подавившись, вскочила тоже.

Явление командора народу. Холт, вошедший в сопровождении двух офицеров, несколько раздражённо махнул рукой, разрешая садиться, и повернулся к раздаче. Эшли, склонившись над тарелкой, поглядывала исподлобья. Она сидит в самом углу, от раздачи её заслоняет полностью занятый стол на шестерых. Вряд ли он её заметит... Ну да, а ещё лучше было бы спрятаться с головой под одеяло, подумала она, увидев, что командор направляется напрямиком к ней.

– Разрешите?

Приняв её совсем не радостный взгляд за приглашение, Холт поставил поднос. Стол был рассчитан на двоих, и сопровождавшие командора офицеры, оглянувшись, отошли к другому. Командор, аккуратно поддёрнув рукава, принялся за еду. Эшли уставилась в тарелку – как назло, только начала есть... В столовой возобновился обычный гомон, лишь соседи слева вели себя потише, то и дело бросая на них любопытные взгляды.

– Все на вас смотрят, – пробормотала Эшли, принимаясь за еду.

– Да? – командор окинул взглядом столовую. – Надеюсь, я сегодня хорошо выгляжу.

Ещё бы. Холёный, холодный, спокойный – и плевать ему на сплетни, которые пойдут по Управлению – а мужчины, вопреки расхожему мнению, сплетничают почище женщин...

– Зачем вы это делаете?

Он слегка поднял брови, словно удивился.

– Что? Ем? Я голоден.

Эшли сильнее сжала вилку, не отрывая взгляда от тарелки, – и ему на мгновение стало её жалко. Этаким старый серый волк, издевающийся над беззащитной маленькой девочкой.

Красной Шапочкой из спецшколы.

– Мне не терпится поделиться с вами новой идеей, – командор промокнул губы салфеткой и принялся медленно, не спуская глаз с Эшли, очищать апельсин. – Вы знаете, что у вас в квартире были обнаружены чужие видеокамеры?

– Да, знаю. Что за идея?

– А если, – он очистил дольку и поднёс её к губам. – Если их – назовём так ваших незваных посетителей – интересуется вовсе не ваша персона?

– Ну да, и они просто ошиблись дверью, – скептически согласилась Эшли.

– Во все не обязательно. Я не буду выглядеть в ваших глазах страдающим манией величия, если рискну предположить, что их интересует я?

– Вы? Но тогда причём тут моя квартира?

– Подумайте сами. Они могли посетить вашу квартиру и днём – но им почему-то нужно было уложиться в часовой промежуток времени между первым вашим возвращением домой и окончанием нашего ужина.

Эшли смотрела скептически.

– И всё равно не улавливаю. В любом случае «жучок» следовало поставить в вашу квартиру или в вашу машину. Причём тут я?

Командор честно попытался изобразить некоторое смущение.

– Ну, может, они считают меня дьявольски обаятельным парнем...

– О! – только и нашлась сказать Эшли.

Он положил в рот дольку апельсина, наслаждаясь её замешательством. Но надо отдать должное – Эшли быстро взяла себя в руки.

– Нас видели – Гарти, охранник, ваши телохранители...

– И те, кого не видели мы сами, – дополнил Холт.

Эшли, сдвинув брови, пила сок.

– Но всё же... вряд ли интимные видеозаписи – подходящий материал для шантажа. Вы не женаты, а связь между начальником и подчинённым хоть и не приветствуется, но не преследуется законом. Кроме сплетен о том, каким образом я получила своё назначение, это никакого вреда бы не причинило. Вам.

– А вдруг во время оргазма я бы начал разбалтывать государственные секреты?

Эшли взглянула скептически:

– А вас можно до этого довести?

Командор положил в рот следующую дольку, прежде чем осведомиться:

– Довести до чего? До разбалтывания секретов? Или до оргазма?

Эшли оглядела свои пустые тарелки.

– Прошу прощения, командор. Мне пора.

Она пошла к выходу. Командор, едва повернув голову, посмотрел ей вслед. И сунул в рот последнюю дольку.

– Хорошая девочка, – Гарти глядел с некоторой опаской. – Ты заинтересовался ею в связи со служебным расследованием или в личном плане?

– В связи.

Он сидел на подоконнике в кабинете Гарти и, попивая кофе, привычно наблюдал за потоком машин.

– Может, коньячку? – предложил Гарти.

– На работе?

– Алекс, считай, ты сейчас в кабинете психотерапевта. Так что сиди и не командорствуй.

Он с удовольствием вытянул ноги. Глаза скользили по ярким плакатам, украшавшим безликие стены. Гарти дневал и ночевал в своём архиве. Здесь, как он уверял, хранились данные, которые, выплыви они наружу, порушили бы не одну карьеру, да и не одно правительство. У командора всё не находилось времени проверить эти слова.

– И часто она здесь бывает?

– Кто? – удивился Гарти.

– Николас-Николас, – укоризненно качнул головой командор, – не заставляй меня повторяться.

Гарти выпятил нижнюю губу и отъехал за свой стол. Тяжёлое ранение, много лет назад приковавшее его к инвалидному креслу, и стало причиной его превращения из перспективного оперативника в блестящего архивариуса Управления.

– Оставил бы ты девочку в покое, Алекс! – сказал он в сердцах. – Мало она натерпелась?

– И чего же она натерпелась?

Гарти посопел, глядя в чашку.

– Ну... приходит иногда. Все у меня бывают. Вроде бесплатного бара с аттракционом. Аттракцион, конечно, я.

Командор хмыкнул. Несмотря на свою инвалидность, Николас сохранил живой и лёгкий нрав, что притягивало к нему людей.

– Иногда я подумываю, не начать ли тебе доплачивать – как нештатному психологу.

– Думаешь, откажусь?

– Итак, она к тебе приходит, и что?

Гарти стрельнул в него глазами.

– Если ты думаешь, что мы занимаемся любовью на вот этом самом столе, увы, дружище, увы. Хотя не потому, что я против.

– Что ты о ней знаешь?

– Как о сотруднице Управления или молодой незамужней женщине?

Холт глотнул коньяку, подумал и сказал:

– Первое. И второе.

– Ты и так наверняка изучил её личное дело... Что касается прошлого – это она вытянула Филина из той заварушки в Мексике. Да ещё так прикрыла его, что они до сих пор считают его тем, за кого он себя выдавал. А что при этом она получила несколько пуль в живот, так ведь это дело десятое, да, Алекс?

– Она знала, куда шла, – возразил командор.

– Я тоже, – сказал Гарти. Они помолчали. – А что касается... Я говорил – славная девчужка. Весёлая – когда удаётся её расшевелить. И очень одинокая.

– Хочешь сказать, твоя славная девушка ещё не нашла себе мужчину?

– Спроси у своей СБ, – ядовито предложил Гарти.

Командор оставил выпад без внимания.

– А Сандерс?

– Что – Сандерс?

– Он ведь ухаживал за ней?

– Это есть. Было.

– А она?

– Она? Не сказать, чтоб отбивалась руками-ногами, но никаких этих женских «ко мне, мой милый, – уйди, противный...»

Холт помолчал и спросил – сам хорошенько не зная, зачем:

– Они были близки?

Гарти уставился на него круглыми тёмными глазами. Осведомился невинно:

– Это ты так по-старомодному спрашиваешь, трахались ли они? При мне – нет.

Холт кивнул, словно принимая его слова к сведению, и вновь поднёс к губам чашку. Гарти поглядел на его отсутствующее лицо.

– Алекс?

Тот скосил на него серый глаз. Гарти невинно улыбался.

– Интересуешься?

– Чем? – невольно подыграл Холт.

– Кем! – радостно поправил Гарти.

Командор некоторое время смотрел на него.

– Помнишь Устав Управления? – наконец осведомился сухо.

– Это ты про связь вышестоящего с нижестоящим? – Гарти подмигнул.

– Сам придумал, сам отменишь. Тебе можно. Тебе всё можно.

– Если б всё, я бы сейчас надавал по твоей самодовольной физиономии, – проворчал Холт.

– Ага, попался! – торжествующий Гарти откинулся на спинку кресла, разглядывая командора с детским любопытством. – И у тебя, оказывается, есть слабости!

– И побольше, чем у многих, – сказал Холт, подымаясь. – Только я этим не горжусь.

– Николас, я...

Мужчины обернулись. Влетевшая в дверь Эшли замерла на пороге.

– Простите, командор, я не хотела мешать...

– Ничего. Входите, младший офицер Эшли.

– Я хотела извиниться, что опоздала, Гарти.

Так. Холт посмотрел на улыбавшегося приятеля. Так ты всё время ждал, что она придёт. Хотел проследить за моей реакцией, да? Препаратор. Психоаналитик доморощенный. Не буду я тебе доплачивать, Николас.

– Входите, младший офицер.

– Нет, я... – она посмотрела на свои часы – довольно массивные, неновые, но хорошо смотревшиеся на крепком запястье.

Холт глядел на неё ничего не выражавшими глазами. Ни в них, ни в голосе его не появилось ни капли усмешки, когда он сказал:

– Можете не бежать. Я уже ухожу. Оставляю вас на растерзание этому... психологическому стервятнику.

Он сидел в пункте наблюдений. Множество мониторов показывали комнаты в офицерском общежитии – частично пустые, частично с занимавшимися своими делами обитателями. Несколько раз в сутки компьютер в произвольном порядке включал камеры слежения, записывая короткие эпизоды из жизни офицеров.

– Вот то, что вы хотели видеть, командор.

Он поднял глаза. Младший офицер Эшли. Всего одна кассета. Да, разумеется, ведь ни он, ни Служба безопасности не давали специальных указаний по поводу Эшли.

– Здесь есть записи и за последние два месяца?

– Все, командор.

Кивнув, он поставил кассету на быстрой перемотке, изредка останавливая запись, пока не нашёл число, которое его интересовало. Двадцать пятое. Компьютер включил запись, едва Эшли вошла в квартиру. Восемь часов вечера. Лицо усталое. Под глазами – круги. Она прошла в комнату,

ладонью приглаживая волосы и рассеянно оглядываясь. Присела на диван, откинулась на спинку, прикрыла лицо локтем. Посидела несколько минут – он уже решил, что она задремала, как Эшли, вздохнув, поднялась. Расстегнула форменную куртку, достала вешалку, с методичной тщательностью повесила её. Расстегнув молнию, сбросила прямую юбку, так же аккуратно повесила в шкаф. Начала расстёгивать рубашку. Командор покосился. Сержант службы наблюдения с преувеличенным усердием перелистывал какие-то бумаги. Так-так-так... Значит, и в этой нудной бесконечной работе случаются свои маленькие радости...

Карен Эшли носила практичное простое белье. Вероятно, она легко загорала – без долгого нудного отбывания на пляже – просто пройдя по солнечной улице... А вот это наверняка самый любимый кадр службы наблюдения, подумал он с внезапным раздражением. Груды у неё оказались молочно-белыми – похоже, она не признавала загорания голышом. Когда Карен обернулась на телефонный звонок, он заметил шрам на животе, идущий под резинку трусиков. Почему бы ей, в конце концов, не накинуть на себя что-нибудь? Словно подслушав его мысли, она потянулась за халатом, другой рукой снимая трубку телефона.

– Да? – спросила глуховато. – Да, только что пришла. Нет, спасибо. Я очень устала. У нас был тяжёлый день, сдавали сводки...

Она прижала трубку к уху плечом, запахивая халат – тёплый плотный халат, который скроет, наконец, её тело от камеры – и от наблюдателей.

– Нет, Санди, – повторила она, и он перестал смотреть и начал слушать. Санди. Детское прозвище Рика Сандерса. Глуповатое прозвище. Но Сандерсу оно нравилось.

Голос её стал суше.

– Нет, – сказала Эшли. – Я собираюсь принять душ и лечь спать. Представь себе – одна. Я буду спать и видеть сны. Не думаю, что ты мне приснишься. Что бы там ни было, это может подождать до завтра... Спокойной ночи.

Она положила трубку, похоже, прервав собеседника на полуслове. И наконец завязала халат.

Ему всегда удавалось вывести её из равновесия. В этот раз командор пожелал *лично*, как подчеркнул офицер Ивантер, ознакомиться с аналитическими выкладками по пятому сектору. А так как большую часть анализа проделала младший офицер Эшли – то ей и честь и карты в руки в представлении результатов. Карен выслушала всё это, не поведя и бровью, без излишней спешки и медлительности собрала необходимые документы, сдержанной улыбкой ответила на пожелания коллег.

И лишь закрыв дверь лестничного пролёта, позволила себе остановиться и перевести дух. Что он ещё задумал? В ситуации не было, вроде бы, ничего экстраординарного. Время от времени командор проверял работу различных секторов, отделов, иногда приглашая для доклада их сотрудников.

Но никогда – она стиснула зубы – никогда он не встречался с этими сотрудниками изо дня в день, пытаюсь поддерживать с ними полуприятельские-полуслужебные-полу... издевательские отношения. Карен ни секунды не сомневалась, что пятый сектор не привлёк бы сейчас его внимания, если бы она там не работала. Если бы можно было расценить его внимание как сексуальное домогательство... но ни в одной из историй, ходивших о командоре (к сожалению некоторых дам Управления), не было и намёка на такую вероятность. Она хотя бы знала, что ей предпринять. А сейчас... Карен оттолкнулась спиной от холодной стены и прижала к груди папку. Чёрта с два она порадует его своей нервозностью!

Холт просматривал документы около часа. Он действительно просматривал, а не делал вид – это было ясно по уточняющим вопросам. Эшли отвечала без особых затруднений, всё остальное время сидела молча, наблюдая за ним и рассматривая обстановку его кабинета.

Работа была толковой. Толковой, умной, оригинальной, чёрт возьми! Он смог сделать замечания только в двух местах – да и то излишне придираясь. И если этот доклад действительно готовила сама Эшли... Холт захлопнул папку, кивнул.

– Поздравляю, младший офицер. Вы проделали большую работу.

– Благодарю вас, командор, – она приготовилась встать и услышала произнесённое всё тем же безлично-благожелательным тоном:

– Зачем Сандерс звонил вам двадцать пятого вечером?

Она замерла на краешке стула, не успев завершить начатое движение.

– Как вы... – она тут же взяла себя в руки. – Я уже всё докладывала Службе безопасности.

– Вот как? – он улыбнулся – одними губами. – А теперь доложите мне. Я снова её продублирую.

– Что вы хотите знать?

– Часто ли он вам звонил?

– Довольно часто.

– Насколько часто?

– Почти каждый день.

Интересно, что означает это вот его движение бровей? Замена удивлённому: «о?».

– ...последний месяц, – поспешила добавить Эшли.

– Итак, он часто звонил вам. Что он говорил?

– Да так, – небрежно сказала Эшли. – Болтал о том о сем.

Младший офицер Эшли не производит впечатление человека, с которым можно запросто болтать о том о сем... По крайней мере, ему.

– А если конкретней? Что он говорил вам в тот вечер?

– Что обычно.

– Конкретней, младший офицер, конкретней.

Ему показалось, или она вздохнула?

– Предлагал где-нибудь встретиться или приехать ко мне.

– Это было его обычным предложением?

– Да.

– И часто вы его принимали?

– Иногда, командор.

– Но не в тот вечер?

– Нет.

– То есть, положив трубку и приняв душ, вы не передумали и не поехали к нему на свидание?

– Я бы это так не называла, – негромко сказала Эшли.

– Что?

– Я бы не называла эти встречи свиданиями.

– А как бы вы их назвали?

– Просто встречи. Мы сидели в кафе... – она быстро взглянула на Холта. – Ведь вы не назовёте *наши* встречи свиданиями, командор?

Один-один, подумал он. Но, девочка моя, если такие вопросы задаю я, какие же тебе задавала СБ?

– Так что, как я и говорила, Сандерс не покончил жизнь самоубийством из-за того, что ему пришлось провести вечер в одиночестве.

– Вас ничто не насторожило? Ничего не показалось необычным?

– Нет. Я думала об этом. Нет, ничего. Он казался возбуждённым, словно был слегка навеселе... но в меру. В меру настойчив. Нет, ничего, командор.

Она умолкла, но командор тоже молчал, и она решила, что допрос окончен.

На сегодня.

– Я могу идти, командор?

– Идите.

Он двинул в её сторону папку с выкладками. Когда Эшли, подавшись вперёд, взяла её, его взгляд остановился на её груди. Холт поморщился. Сам виноват. Мог бы не пялиться, а прокрутить плёнку на скорости... Ну, конечно, всё можно обосновать интересами дела. Только вот как теперь объяснить себе, что не следует видеть сквозь плотную строгую ткань формы её молочно-белую кожу...

– Эшли! – сказал он. Голос прозвучал излишне резко. Эшли развернулась. Ему показалось, или на лице её было обречённое ожидание: ну, что ещё?

– Командор?

– Я действительно доволен вашим докладом.

– Благодарю вас, командор.

– И... Эшли... – он побарабанил пальцами по столу. Эшли терпеливо ждала. Чертыхнувшись про себя, он всё же сказал – довольно небрежно. – Не могли бы вы переодеться в своей квартире в ванной комнате?

С мгновение она смотрела непонимающе. Потом в её взгляде что-то мелькнуло, крепкие губы сжались.

– Разумеется, командор, – сказала она. – Благодарю вас.

Дверь закрылась. Холт смотрел на неё, не веря случившемуся. И он ещё смеет кого-то упрекать в непрофессионализме? Ведь он сам – сам только что намекнул, да что там – прямо сказал о ведущемся за ней наблюдении! Он что, рехнулся?

Она завернула в дамскую комнату – увидев её в таком состоянии, сотрудники решат, что зарубили доклад, над которым они работали весь последний месяц. Повернув ручку двери, Карен швырнула папку и, опершись о раковину, уставилась на себя в зеркало невидящими глазами. И без того каждая их встреча напоминала словесный поединок – дуэль, в которой она не видела смысла и которая всякий раз забирала у неё массу сил. Но то, что он сказал ей сегодня напоследок... он практически признал, что видел её без одежды... Она представила, как Холт сидит перед монитором и рассматривает её своими холодными серыми глазами... хотя, возможно, *тогда* они не были такими холодными... Волна возбуждения нахлынула так неожиданно и мощно – росла по мере того, как она представляла, что его взгляд скользит по её обнажённому телу...

Она открыла глаза и мрачно посмотрела на своё покрасневшее лицо. Милочка моя, да у тебя просто-напросто давно не было мужика. Сколько? Этот год... И ещё прошлый, который она фактически провела в госпиталях. Надо просто-напросто встряхнуться, провести хороший уик-энд с сильным сексуальным самцом... Вот только где его взять? Она отвыкла знакомиться, нравиться, увлекать и увлекаться. Все её немногочисленные мужчины либо учились, либо работали вместе с ней. Настоящим сексом для неё, да, как она подозревала, – и для них – была работа. И командор сам наверняка из таких. Может, он и не прочь взглянуть на женские титьки, но он – командор – и это удержит его (а скорее всего – тебя) от сексуальной лихорадки.

Она пару раз глубоко вздохнула и осталась довольна выражением лица – обычная Эшли, деловито-суховатая Эшли, образцовый работник Управления и небесталанный преподаватель. Она взяла папку. Открыв дверь, извиняясь, улынулась ожидавшей женщине.

– Я и не знал, Эшли, что вы у него на примете!

Услышав столь необычное начало, Карен подняла глаза на руководителя сектора старшего офицера Ивантера.

– Прошу прощения?

– У нашего командора.

С мгновение она смотрела на него, не веря своим ушам. Но Ивантер улыбался своей обычной открытой улыбкой – так что она никак не могла заподозрить в ней подвоха.

– Каким образом вы сумели так показать себя, Эшли?

Просто вовремя разделась перед камерой, ядовито подумала Карен и тут же одёрнула себя: за эту едкость она в своё время и заработала кличку «гюрза». На новом месте работы приступы чёрного юмора накатывали гораздо реже, и эту сторону её характера здесь не знали.

– Что вы имеете в виду?

Ивантер помахал у неё перед носом какой-то бумагой.

– Всего год работы – и такой скачок!

Карен собрала все силы, чтобы не выхватить у него эту бумагу. Молчи, жди – и радуйся всему, что приготовил для тебя наш несравненный командор!

Ивантер перестал, наконец, улыбаться и, выпрямившись, деловито отчеканил:

– Младший офицер Эшли, с сегодняшнего дня вы переведены в особый аналитический отдел!

Эшли моргнула. Попасть в «особый» – мечта любого аналитика. Пока она и думать не думала о такой возможности. Возможность сама её нашла. Нынешняя работа была ей вполне по силам, как и преподавание. Ей нравилось общаться с молодыми полевиками и вспоминать то горячее, проклятое и безумно любимое время...

– Я уверен, что всё это – из-за того доклада! – сообщил Ивантер. Похоже, он был искренне рад её успеху и отсутствие должной реакции с её стороны относил за счет оглушённости новостью.

– Я работала не одна... – попыталась отрезвить его Эшли. Ивантер просто отмахнулся.

– Вы проделали львиную долю работы. Теперь тоже будете ходить, как все эти «особисты», задрав нос, и не замечая нас, простых смертных, да?

Карен вяло улыбнулась ему, размышляя, был ли в истории Управления хоть один случай, когда командору предъявляли претензии в связи с повышением?

Она пожала руку старшему офицеру, выслушала ещё раз его поздравления, потом – поздравления своих коллег. Большинство не скрывало недоумения и любопытства. Впрочем, в Управлении уже случались такие никем не ожидаемые передвижки – приказом командора. Холт ценил талантливых сотрудников, и раз теперь он обратил внимание на Эшли, значит, было в ней что-то такое... Это автоматически повысило статус Карен – не только как специалиста и офицера, но и как человека. С ней стали здороваться те, кто раньше и не подозревал о её существовании. Слава богу, ещё не начали прикасаться на счастье – как к туземному тотему...

Должность «особиста» вовсе не была синекурой, как уверяли разочарованные в своих перспективах аналитики. Здесь никто не слонялся с отрешённо-гениальным видом, обдумывая некие осенившие его идеи. Заказов на анализ данных поступало столько, что аналитики работали не покладая ни головы, ни рук, зачастую задерживаясь допоздна. Статданные были такими разнообразными и охватывали такое количество областей работы Управления, что Эшли не удивилась бы, обнаружив однажды, что анализирует эффективность *собственной* работы.

Она ожидала, что «особисты», проведшие в аналитических отделах не один год, а то и не один десяток лет, встретят её настороженно – как и всякого молодого выскочку – и потому её мало задевало их сдержанное, а

то и вовсе неприязненное отношение. Лишь бы это не мешало её работе. А работать Карен умела. Этому способствовало и то, что она почти не видела командора. Все знали, что «особый» – любимое детище командора, и что оброненные фразы: «вчера говорю я командору...» – не выдумка и не хвастовство, а обыденные факты, и Карен готовилась к тому, что ей придётся частенько сталкиваться с Холтом.

Пока этого не случилось.

– Устали?

Карен отняла ладони от глаз, и, крутанув кресло, оказалась лицом к лицу со своим новым начальством. Старшему офицеру Неру было уже далеко за шестьдесят, но его прямая осанка и цепкий живой ум выделяли его и среди молодых. Эшли потёрла глаза и не стала врать.

– Да.

– Вам не следует перенапрягаться. Это неизбежно скажется на ясности вашего мышления. Нам нужны хорошие работники, но вовсе не нужны маньяки. Думаете, образ свихнувшегося гениального аналитика появился на голом месте?

Эшли взглянула на экран компьютера.

– Но мне нужно ещё так много сделать...

– Спешите медленно, – посоветовал Неру. Его красивые чёрные глаза следили за ней с любопытством.

– Вам нравится у нас работать?

Эшли усмехнулась:

– Разумеется, я очень рада и горда тем, что работаю здесь. А вы что, ожидали другого ответа? Вам, моему начальнику?

Неру присел на край стола, разглядывая её с интересом.

– У вас, оказывается, есть зубки!

– И довольно ядовитые, – сказали у неё за спиной. У Эшли ёкнуло сердце. Она встала, поворачиваясь к командору. Неру изобразил вставание, поелозив по столу задом. Командор, похоже, собирался уходить – стоял, засунув руки в карманы плаща, и, склонив голову набок, рассматривал бумаги и экран компьютера на столе Карен.

– Осваиваетесь, Эшли?

Похоже, перевод в «особисты» автоматически лишил её официального звания. Чего доброго, скоро он будет называть её по имени... Карен молча кивнула. Странно, она так готовилась к этой встрече, но чувствовала себя сейчас вполне прилично. Вот только во рту пересохло. Недостаток инсулина в крови, отрешённо подумала она, вызванный стрессом. Или ожиданием стресса.

– Как твой новый работник, Неру?

– Просто жемчужина! – отозвался тот. – Я разве ещё не благодарил тебя за неё?

– Что-то не припоминаю. Что ж ты допоздна задерживаешь своих драгоценных работников?

– Я уже собиралась уходить, – быстро сказала Карен.

Командор кивнул.

– Отлично. Я как раз еду мимо общежития. Неру?

Тот поднял тяжёлую руку и осенил их величественным крестом.

– С богом, дети мои! А я ещё тут поработаю.

Уже второй человек, который позволяет быть себе фамильярным с командором. А она даже не смогла придумать причины, чтобы вежливо отказать Холту – и где же её «жемчужные» мозги?

Выйдя на улицу, Карен машинально нашла взглядом светящиеся окна «особого». Горело ещё одно – в архиве.

– Гарти когда-нибудь уходит с Управления?

– Иногда. Я подбросил ему задачку.

– А сами пошли домой?

Командор выразительно пожал плечами.

– Привилегии моего положения... А Николас – архивариус милостью божьей. Никогда бы не подумал, что так сложится. В молодости мы с ним были изрядными шалопаями.

Карен покосилась. И вот один из шалопаев – гениальный архивариус, а второй... командор. Просто командор.

Просто.

– Нет никакой необходимости подвозить меня, командор.

– Ни малейшей, – согласился Холт. – Мне просто приятно. Садитесь.

Он закрыл за ней дверцу машины и сел рядом с водителем. За всю поездку Холт сказал всего пару слов – шофёру. Карен смотрела ему в затылок. Этак у неё войдёт в привычку раскатывать по всему городу в командорской машине...

– Спасибо.

– На здоровье, Эшли. Вы знаете, что послезавтра управленческая вечеринка?

– Да, что-то такое слышала...

– Это обязательное мероприятие.

– Ясно, командор.

– И на него принято приходить в костюмах и платьях, а не в форме.

– Я учту, командор.

Холт качнул затылком, и Карен сочла, что на сегодня их общение закончено.

– Доброй ночи.

– До завтра, командор. До завтра, Петер.

Водитель, удивившись, круто обернулся.

– До свидания, младший офицер!

Направившись к дому, Карен мысленно показала язык командору. Вот вам! Не только вам быть всё и всех знающим!

– Гюрза! – услышала она страшный голос и резко обернулась, едва не выплеснув на пол содержимое своего бокала. Невысокий сухощавый мужчина протягивал к ней руки.

– Гюрза, это ты? Змейка ты моя золотая!

Расхохотавшись, она кинулась в объятия своего бывшего напарника.

– Вальтер! Кретин рыжий! Откуда ты здесь взялся?

Вальтер покачивал её, прижимая к себе, целовал в ухо; бормотал вместо нежных слов нечто неудобоваримое из междометий, ругательства и «какого чёрта ты здесь делаешь?»).

– Я здесь пью! – объяснила Карен, слегка запыхавшись. – А ты?

– А я искал тебя. У нас двухдневный семинар в конторе. Что пьёшь?

Сунув острый нос в её бокал, Вальтер сморщился.

– Что это ещё за пойло? Ты что, теперь пьёшь эту кислятину?

Карен хмыкнула:

– Ну, здесь мне реже приходится снимать стрессы... Идём, вон там напитки покрепче.

Заметив, что ладонь её напарника всё ещё лежит на её бедре, Карен глянула с насмешкой.

– Ты поправилась, – одобрительно заметил Вальтер. – Так, где тут то, что горит?

– Умилительная встреча! – сказал Гарти, демонстративно смахивая несуществующую слезу. – А, Алекс?

– Что? – невнимательно спросил командор. Гарти глянул подозрительно: он мог по пальцам пересчитать случаи, когда догадывался, что командор на самом деле думает – да и то потому, что тот сам ему это позволял. Гарти молча ткнул пальцем. Командор послушно посмотрел на идущую в обнимку пару, пожал плечами и вернулся к беседе.

Так легко и раскованно она себя давно не чувствовала. Можно сказать, сегодня Вальтер был её спасением: всю вечеринку Карен фланировала с бокалом в руке, обмениваясь ничего не значащими фразами то с тем, то с другим, и обдумывая, на какой минуте можно отсюда убраться. Зато сейчас она даже удивилась, когда Вальтер, оглядевшись по сторонам, сообщил, что вечеринка, похоже, сворачивается. Посмеиваясь и переговариваясь, они спустились по лестнице. Вальтер галантно подал ей плащ, опять задержав на её плечах руки, Карен с усмешкой обернулась – и встретила взгляд наблюдавшего за ними командора.

– Добрый вечер, Эшли.

– Здравствуйте, командор.

Весь вечер ей удавалось держаться подальше от начальства – но под конец она всё же потеряла бдительность. Улыбка таяла на её лице: казалось, Холт проверяет соответствие её платья обстановке. Видимо, платье соответствовало, потому что глаза командора не выразили ни неодобрения, ни одобрения. Он посмотрел на её спутника. Просто посмотрел, но Карен поспешила представить:

– Лейтенант Копф. Мой напарник.

Брови командора слегка дрогнули, и она зачем-то добавила:

– Бывший.

– Здравствуйте, лейтенант, – сказал командор, протягивая руку. Копф ответил ему энергичным пожатием. – Вижу, вечер для вас обоих удался.

– Да уж, – сказал Копф, пожирая командора глазами. – Встретил вот Гюр... Эшли. Год не виделись.

– Если не сегодня, встретились бы завтра. Эшли читает лекции у вас на семинаре. Кстати, передавайте привет Франческу Джованни. Мы с ним вместе начинали. Всего доброго.

Коротко кивнув, он вышел на улицу. Копф заворожено смотрел ему вслед. Завопил шёпотом:

– Гюрза! Ты что, закорешилась с командором? Скажу нашим – сдохнут!

– Рехнулась, – пробормотала Карен. – Просто он помнит по именам всех работников Управления.

Вальтер смотрел подозрительно.

– А с чего это ты вдруг станешь читать нам лекции?

Карен вздохнула.

– Сразу и не расскажешь. Пойдём куда-нибудь выпьем, а?

– А где тут твоя любимая пивнушка?

– Я теперь не пью, – с достоинством сообщила Карен. – Это вредно, знаешь ли.

Вальтер покосился.

– Ты, поди, ещё и вегетарианкой заделалась? И... э-а-а...

– Нет. И «э-а-а» не стала. Сворачивай. Будем пить здесь.

И они выпили. И вспомнили.

Гораздо позже полуночи бывшие напарники, задрвав головы, смотрели на редко горящие окна офицерского общежития.

– К тебе? – спросил Копф, поглаживая горлышко бутылки, которую они прихватили с собой просто «на всякий случай». Карен подумала про камеры слежения. Теперь, когда она предупреждена, было так легко обнаружить и нейтрализовать их...

– Лучше к тебе, – заявила решительно.

– Угу, – сказал бывший напарник, круто разворачиваясь и прижимая локтем её руку, словно опасаясь, что она передумает и сбежит. Карен повернула голову, рассматривая его острый целеустремлённый профиль. В голове было звонко и пусто, в животе разливалось тепло. А почему бы и нет? Им всегда не хватало на это то времени, то сил...

Или желания.

Его ладонь скользила по её животу. Пальцы задержались на шраме. Закинув руки за голову, Карен видела, что желание на его лице уступает место сожалению. Вине.

– Если б я тогда успел... – пробормотал он, поглаживая шрам.

Эшли перебила:

– Я тебя просто пристрелю, если ты сейчас же не заткнёшься и не продолжишь!

Он тихо рассмеялся и наклонился, целуя её живот...

Уже утром, после почти бессонной ночи, Копф начал нерешительно:

– Слушай, а почему бы нам...

Боясь, что сейчас он скажет то, о чём потом пожалеет, – так же, как и она сама – Карен вновь сказала:

– Молчи.

Командор стоял у её стола, просматривая папки. Подходя, она, на всякий случай, взглянула на часы – вовремя, как обычно.

– Доброе утро, командор, – сказала, проскальзывая мимо него за свой стол. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

Он кивнул, положил папку, постучав по ней пальцем:

– Подготовьте к двум часам данные по четвёртому.

– Хорошо.

Он и не подумал уйти, чем порядком нервировал её: просто стоял, смотрел и ничего не говорил. Наконец, сдавшись, Эшли вскинула взгляд – она и представить не могла, какая в нём отразилась досада. Командор улыбнулся ей своей дежурной улыбкой.

– Как вечер? Удался?

– Вполне, командор.

– Вы давно не виделись?

– Почти год.

– А до этого...

– Мы были напарниками пять лет.

Она отвечала отрывисто, по-прежнему глядя на него исподлобья зеленоватыми потемневшими глазами. Командор удовлетворённо кивнул, словно получил ответ на важный вопрос.

– Что ж, не буду вас больше отвлекать.

Когда Эшли вновь вернулась к работе, он заметил на склонённой шее тщательно запудренный след поцелуя. Что ж... хоть у кого-то эта ночь удалась.

– Я не могла сосредоточиться, – пожаловалась Карен. Они лежали на кровати в гостиничном номере Копфа, попивая вино. Закинув руку за голову, Копф невинно осведомился:

– И что же тебе мешало?

– То, как ты раздевал меня глазами.

Он довольно ухмыльнулся.

– Ну, я был в гораздо худшем состоянии. Не мог дожждаться конца лекции... Ни черта не слышал.

– А зря. Гениальная, между прочим, была лекция.

Копф потянулся через неё – поставить бокал на тумбочку, хотя своя была ближе. Провокационно потёрся твёрдой, поросшей рыжим жёстким волосом грудью о её крепкие, ставшие такими чувствительными, груди.

– Не знаешь, почему мы раньше этим не занимались? Столько времени потеряли...

Эшли отставила свой бокал.

– Ну, так давай и сейчас не терять...

– Я не пойду тебя провожать.

Продолжая бриться, Вальтер посмотрел на неё в зеркало. Он был уже одет, лишь рубашка расстёгнута до пояса.

– Почему? Не хочешь светиться вместе? – он говорил шутливо, но глаза оставались серьёзными. – У тебя что, здесь кто-то есть?

Она скрестила на груди руки, пожала плечами.

– А какая разница?

– Прощу, только если ты запала на командора, – предупредил её бывший напарник, вытирая лицо. Карен моргнула.

– Ну, если ты настаиваешь...

Ожесточённо расчёсывая свои вечно торчащие вихры, Копф покосился.

– Эй, оставь мне хоть один шанс! Против этого парня мне и раунда не выстоять!

– Это смотря где, – двусмысленно улыбнулась Карен.

– Конечно, он старше, но... – Копф бросил скомканное полотенце в корзину. – Какого чёрта мы взялись обсуждать Волка?

Карен вновь пожала плечами.

– Ты начал...

– Что, нам не о чем больше поговорить?

– Например?

– Например, о нас с тобой.

– Нас... – Карен помедлила. – Не о чем, Рыжий.

Он скользнул взглядом по её лицу. Присел на край ванны. Хлопнул ладонями по коленям.

– Вот, значит, как?

– Да, так. И ты это знаешь.

Он молчал, уставившись куда-то в её живот. Карен наблюдала за ним. Она достаточно изучила своего напарника, чтобы понять его мысли. Вальтер был расстроен. И вместе с тем чувствовал облегчение – пополам с досадой. Она прямо встретила взгляд его рыжих глаз.

– Я тебе не понравился? Мне казалось...

– Нет, не это, – перебила она. – Всё было здорово. Даже лучше, чем я ожидала.

Это, по крайней мере, польстит его мужскому самолюбию.

– Значит, ты думаешь, что вместе мы...

– Я не смогу тебя ждать. Слишком хорошо знаю, что значит наша... твоя работа. И я не отдушина. И не тихая гавань. Я твой друг.

– Знаю.

Он поднял руки, с недоумением посмотрел на них и запустил пальцы в рыжую шевелюру.

– Ты... хорошо формулируешь. У тебя мозги всегда были на месте. Лучше моих. Потому-то тебя сюда и взяли.

Или я просто отвыкла рисковать. Ведь могло же что-то получиться...

Что-то.

– Тогда я тебя провожу, – пробормотал Вальтер, вставая и застёгивая рубашку. – Готова?

Она взглянула на часы. Рабочий день начинался через сорок минут.

– Готова.

– Эшли, – сказала телефонная трубка. – Зайдите.

Представиться не было нужды. Она положила трубку и огляделась. Сотрудники занимались своими делами. Только Неру смотрел на неё. Кивнул, словно знал, кто её пригласил. И зачем. Или в самом деле знал?

Карен помедлила перед дверями и, не постучав, повернула ручку. Командор, просматривающий почту вместе со своим цербером в юбке, кивнул:

– Садитесь, Эшли. Спасибо, Маргарет. Можете идти.

Странно, но сержант Маргарет, проходя мимо, тоже кивнула. При этом выражение её длинного лица несколько не изменилось: казалось, она прикидывает весовую категорию младшего офицера Эшли, чтобы знать, справится ли с ней в спарринге. Эшли смотрела в её спину, потом – на закрывшуюся дверь. Потом на командора.

– Сейчас я освобожусь, – сказал тот, не подымая глаз. Почувствовал её взгляд? Командор, как всегда, выглядел подтянутым, энергичным и дьявольски непроницаемым. Что у него припасено для неё на этот раз?

Командор сложил документы аккуратной стопочкой и отправил в машину для уничтожения бумаг. Интересно, а если к нему придёт любовное письмо, он разделается с ним так же? Холт поднял на неё взгляд, и Эшли мысленно одёрнула себя – не хватало ещё, чтобы он подметил в её взгляде веселье от представившейся сцены.

– Вы вполне освоились в аналитическом, Эшли.

Это был не вопрос, а утверждение, поэтому она с чистой совестью промолчала. Что бы ни хотел сказать ей командор, он это скажет, но она не обязана облегчать ему жизнь.

– ...поэтому я хочу дать вам новое задание.

Он отодвинул ящик стола, не глядя, достал оттуда дискетку и толкнул её по гладкому столу к Эшли. Карен машинально придержала её. Дискета – носитель, давно бывший не в ходу в Управлении – была неуместно кричащего оранжевого цвета. Что может быть написано на такого вида флоппи? Очередная игрушка, неприличные анекдоты, фривольные картинки...

– Это – неоконченный отчёт одного из сотрудников Управления. Я хочу, чтобы вы его посмотрели и сказали, видите ли вы то, что вижу я.

Эшли подождала, но командор молчал, глядя на дискету в её руке, точно яркий цвет притягивал его взгляд. И это – всё? А где же ключ? Где ответ в конце задачника?

Или это проверка её профпригодности?

– Вам, вероятно, понадобятся некоторые данные, потому что отчёт далеко не полон, – добавил командор. – Вам временно присваивается доступ первой степени.

Оп! Эшли подобралась. Похоже, тут не проверка... или проверка, но вовсе не её профессиональных способностей. Первый уровень секретности... Командор не устаёт удивлять сюрпризами. Сколько их ещё припасено?

Холт поднял взгляд, и она немедленно встала.

– Я могу идти, командор?

– Даже бежать. Неру разгрузит вас. И... Эшли. Независимо, в какое время дня и ночи вы закончите работу – найдите меня. В Управлении. Дома. На отдыхе.

Карен моргнула. Её вдруг заинтересовало – а как может отдыхать командор? Где? И с кем?

Оч-чень своевременные мысли...

Карен откинулась на спинку кресла. Прикрыла усталые глаза и взялась двумя пальцами за переносицу. Вот, значит, как. Вот, значит, что он имел в виду... Бедный, бедный командор. Бедные, бедные мы.

Она отняла от лица руку и взглянула на часы. Полвторого ночи. Самое подходящее время для аналитиков-сов. И для командоров. И всё же она медлила, прежде чем набрать номер. А если он спит или, наоборот, не спит, но с кем-нибудь...

В конце концов, это было *его* распоряжением.

Он взял трубку с третьим гудком. Телефон, наверняка, у него где-то рядом с кроватью. Потому что он произнёс «слушаю» хрипловатым со сна голосом.

– Извините, это... – начала Карен.

– Эшли.

– Вы говорили, что...

– Итак?

Карен вздохнула.

– Боюсь, я вижу то же самое.

Крошечная пауза.

– Приезжайте.

– Сейчас? – дурацкий вопрос, но удержаться совершенно невозможно.

– Машина уже вышла.

Гудок отбоя. Доброй ночи, Карен. Доброй, спокойной ночи. Она длинно вздохнула и сунула распухшие (сказались литры выпитого кофе) ноги в туфли.

Он открыл сам, сразу, точно ожидал за дверью. Подсознательно Карен ожидала увидеть командора в его обычном костюме, на худой конец – в каком-нибудь роскошном халате. Вид Холта в джинсах и спортивной майке моментально выбил её из колеи. Он отступил, проводя рукой по взлохмаченным волосам, и Карен бессознательно едва не повторила его жест. Её голос прозвучал чуть ли не обвиняюще:

– Вы спали!

– Не думал, что это преступление, – пробормотал Холт. – Идёмте в кабинет.

У него есть кабинет. Это приведёт... должно привести её в нормальное рабочее состояние. Она шла следом за командором по тёмному коридору

мимо тёмных дверей, ведущих в тёмные комнаты. Кабинет тоже был освещён слабо – горела лишь лампа на столе, да экран дисплея. Тут он, похоже, и спал – на диване лежал скомканный плед и подушка. Командор заметил её взгляд. Никак не прокомментировал.

– Давайте посмотрим, что вы там нарыли.

Она отдала дискету – вернее, уже две. Опустилась по его кивку в кресло у зашторенного окна. Командор сидел за компьютером, сосредоточенно проглядывая её файл. Чтобы не глазеть на него, Карен принялась рассматривать полки с книгами, картины и какие-то маски на редких простенках. Фотографий, столь уместных здесь, не было. Ни одной. А была ли когда-нибудь у командора семья?.. Что-то когда-то говорили... Может, и говорили, но раньше её это почему-то не интересовало. Глаза её вновь вернулись к командору. Через пару минут Холт что-то пробормотал.

– Что вы сказали?

– Вы сегодня хоть раз ели?

– Да...

– Что?

Она поднапрягла память. Кажется, она просила принести ей обед на рабочее место. Но вот принесли ли и какой – хоть убей, не вспомнить.

– Ясно, – сказал командор, не отрывая глаз от экрана. – Минуту.

Действительно через минуту он встал и исчез в тёмном проёме дверей. Карен прислушалась. Судя по всему, квартира была большой. Слишком большой для одного человека. Он что здесь, приёмы устраивает? Карен стянула туфли и откинулась на спинку сиденья. Прислонилась затылком к упругому валику кресла. Закрывает глаза. Перед глазами плыли круги. Она прижала пальцы к векам и встрепенулась.

– Ох...

Командор молча придвигал к ней столик с разогретым ужином: хороший кусок пиццы, аппетитно пахнущее мясо, спагетти с соусом. Карен открыла рот – сама не зная зачем – протестовать или благодарить. Спешите видеть! Командор – самолично! – накрывает стол для младшего офицера Управления. Командор уже сел за компьютер. Она решила повиноваться его молчаливому приказу. Прикончив мясо и пиццу, обнаружила в кружке вместо кофе нечто алкогольное. Командор тут же отреагировал на её заминку – как будто наблюдал за ней. Или наблюдал?

– Это коньяк. Пейте.

– Я...

– Потом ляжете на диван и будете спать. Мне нужны ваши свежие мозги.

И коньяк с двумя часами сна, разумеется, их ему обеспечат. Ну-ну. Карен опрокинула кружку и перебралась на диван. Подушка пахла его одеколоном. Теперь она могла видеть часть экрана, остальное заслоняли плечо командора и его затылок. Интересно, что он сделает, если она протянет руку и проведёт пальцами по этому затылку? Командор поправил лампу, чтобы свет не падал на неё, и сказал, не оборачиваясь:

– Закрывайте глаза. Спите, Эшли.

А где же сказка, рассказанная на ночь? Как она вообще может уснуть в его квартире, на его диване... рядом с ним? Да она глаз не сомкнёт... Карен закрыла глаза.

Проснулась, как от толчка. Всё было по-прежнему. Как прежде, светился монитор, полузакрытый силуэтом Холта – только командор теперь упирался лбом в скрещённые ладони. И часы показывали пять утра.

– Проснулись? – спросил командор. У неё что, дыхание изменилось? Карен села. За три часа она ни разу не шевельнулась, и теперь у неё затекли плечо и рука.

– Я почти закончил.

Не торопитесь, командор, мысленно разрешила она. Провела ладонью по примятым волосам, пытаясь вслепую привести их в пристойный вид.

– Ванная по коридору направо.

Карен злобно стрельнула взглядом в его спину. У него глаза на затылке? Или он наблюдает за её отражением на экране?

Когда она вернулась, Холт сидел, откинувшись в кресле и закрыв глаза. Карен задержалась на пороге, не желая мешать его размышлениям. Что она здесь, в конце концов, делает? Она ведь выполнила его задание. Или предстоит следующее?

– Садитесь, Эшли, – сказал командор, не открывая глаз. – Вы действительно хороший аналитик. Кое-что не заметил даже я.

Она должна быть польщена. Она действительно была бы польщена, если б смогла до конца проснуться. Карен задумалась, должна ли сказать ему «спасибо». Думала так долго, что момент, естественно, был упущен.

– А человек, который готовил этот доклад... почему он его не закончил?

Командор потёр пальцами переносицу. Раньше она никогда не замечала у него этого жеста усталости. Хотя... когда она видела его ночью? Так как он молчал, Карен сообразила, что не должна была задавать такого вопроса. Из соображений субординации или секретности.

И тут она крупно вздрогнула.

– Это Сандерс, да?

Пальцы командора последний раз сжали переносицу – и, опустив руку, он посмотрел на неё ясным внимательным взглядом. Осведомился:

– Это озарение или заключение вашего знаменитого аналитического ума?

– Поэтому он и не был закончен, – прошептала она. – Это вы дали ему такое задание?

– Не я и никто другой. Это называется здоровой инициативой снизу, – произнёс Холт с горечью. – Если бы он пришёл ко мне... или к своему руководителю...

– Вы думаете?..

Командор молча ждал.

– Думаете, это не было самоубийством?

Холт помолчал. Когда заговорил, тон его был почти лекторским:

– Как вы знаете, у нас лучшие следователи. Лучшие в стране. А может, и в мире. Но всегда есть шанс, ничтожный шанс, что и они могут ошибиться.

– А если... Если смерть Сандерса всё-таки не связана с его... личным расследованием?

– Но у нас, – он постучал пальцем по дискетам, – всё равно остаётся это. Какого, скажите, чёрта он не пришёл ко мне? Пусть сначала у него не было доказательств, он не был уверен до конца. Но позже?

Карен помедлила, тщательно подбирая слова. Похоже, смерть молодого офицера задела не только разум командора, но и его чувства.

– Я думаю, – медленно начала она, – всё дело в его отношении к вам.

Командор не спускал с неё глаз.

– Он был так... он так восхищался вами, что, когда наткнулся на эту информацию, наверняка подумал, что, проведя расследование, сможет произвести на вас впечатление. И дело тут даже не в карьере, а в его личном отношении к вам, командор.

Тишина. Холт посмотрел на пустой экран компьютера и неожиданно усмехнулся.

– Итак, если бы у него не было такого пиетета передо мной, он бы остался жив? Я правильно вас понял?

– Это только моё мнение, командор, – осторожно сказала она.

– С этим надо что-то делать, не находите?

– С чем?

– С моим авторитетом – если из-за него мои подчинённые предпочитают действовать и погибать в одиночку.

– Ну да, взвалите на себя ещё и это! – вырвалось у Карен – неожиданно даже для неё самой. Холт развернулся – ей оставалось только выдержать его удивлённый взгляд.

– Вы не можете отвечать за чувства этого молодого... – она проглотила «идиота». – Вы же не Господь Бог, в конце концов!

– В конце концов, я отвечаю за *все*, что происходит в моём Управлении!

Карен смолчала, хотя ей очень хотелось продолжить. Снять с его плеч часть тяжёлого груза, о котором она раньше и не подозревала – ответственности, которую он не мог разделить ни с кем. Управление действительно было *его* детищем. Для неё и для всех остальных Управление и командор всегда были неделимым целым.

Повисла пауза, в течение которой командор продолжал оценивающе рассматривать её. Наконец спросил – с язвительной ноткой в голосе:

– Надеюсь, ваше ко мне отношение не столь... драматично?

– Чтобы из-за вас я отправилась на тот свет – нет уж, увольте! – мгновенно отозвалась она.

Командор усмехнулся.

– Как ни странно, рад это слышать. Вообще-то я говорил о другом – не скрываете ли и вы от меня что-нибудь. Если да – самое время признаться.

Опять пауза. Карен тупо глядела в светящиеся в полумраке глаза командора и так же тупо вспоминала – есть ли ей в чём признаваться. В подделанной оценке в пятом классе? В тайных встречах с мальчиком, которого не одобряли родители? В том остром сексуальном желании, которое он в ней однажды вызвал, сам даже того не подозревая?

Командор первым отвёл глаза. Взглянул на часы.

– У вас были трудные сутки, Эшли, но вы нужны мне на работе. Вам придётся подождать, пока я, – он потёр подбородок, – побреюсь и переоденусь. Это займёт полчаса. Если хотите, можете приготовить кофе. К семи мы будем в Управлении.

Он действительно уложился в полчаса. Когда вернулся, поправляя обшлага рубашки – выбритый, посвежевший, причёсанный, пахнувший одеколоном – то увидел приготовленный Карен завтрак.

– Неплохо, – заметил лаконично. Они молча и быстро расправились с едой. Командор помог ей надеть плащ, и Карен кинула прощальный взгляд на покидаемую квартиру. Вряд ли ей ещё придётся побывать здесь. Трудно сказать, какое чувство она испытала при этой мысли – сожаление или облегчение?

В этот раз они оба ехали на заднем сиденье. Хотя на улице было всё ещё темно, а в машине – тепло и уютно, сна у неё не было ни в одном глазу. Мысли неслись, обгоняя одна другую. Утечка информации. Самой разнообразной информации на протяжении... она даже боялась представить, какого времени. Если бы Сандерс сразу... как, кстати, он на это наткнулся? И откуда у командора...

– А откуда у вас... – начала она и осеклась, взглянув на затылок водителя. Командор опустил звуконепроницаемую перегородку, разделившую передние и задние сиденья.

– Пришло Сандерсу по почте.

Карен взглянула вопросительно.

– Видимо, он всё же предпринимал кое-какие меры предосторожности. Регулярно обновлял информацию и посылал сам себе по почте из разных городов, где бывал в командировках. В этот раз почта подкачала, посылка пришла почти через два месяца... А так как я дал указание всё новое по делу Сандерса приносить мне немедленно... – он пожал плечами. – А ведь мы могли знать всё это уже несколько месяцев!

– Что-то натолкнуло его на подозрения, – начала она, – может...

– Я уже дал указание проанализировать все дела, которыми Сандерс занимался в этом году.

Карен умолкла. Куда она лезет – советовать командору?!

В Управление прибыли к семи. Выходя из машины, Карен поскользнулась на мокром асфальте – командор подхватил её под локоть и не отпускал, несмотря на её слабое сопротивление, до самого крыльца. Карен перехватила взгляды, которыми обменялись охранники в вестибюле. Богатый материал

для управленческих сплетников. Он что, не понимает, что делает? Или ему плевать?

Их встретил ясный взгляд карих глаз Неру – тоже ранняя пташка. Или он не уходил вовсе?

– Доброе утро, командор, Эшли...

– Зайди ко мне, – отсутствующе сказал командор. – Да, Эшли опять может заняться текущими делами.

И, выйдя за дверь аналитического, надо думать, мгновенно забыл о её существовании.

...Если учесть однотипность используемого оружия и организации террористических актов, прослеживается связь между двумя этими группировками...

Карен глубоко вздохнула и огляделась. Она же вышла немного развеяться! Так что отключай мозги и наслаждайся прогулкой. Прогулкой на любителя – в этот промозглый осенний день парк рядом с Управлением был практически пуст. Карен поправила шарф и не спеша пошла по главной аллее, поглядывая то на мокрые и тёмные от дождя почти облетевшие деревья, то на пустую набережную. Поэтому не сразу заметила вывернувшую из боковой аллеи небольшую группу людей. А когда заметила, было уже поздно.

Командор шёл ей навстречу, опустив глаза и засунув руки в карманы распахнутого плаща. Карен зашарила взглядом в безуспешных поисках какой-нибудь боковой тропинки. Один из охранников ускорил шаг, пристально вглядываясь, – это, наконец, привлекло к ней внимание командора. Он поднял глаза и сказал:

– Здравствуйте, Эшли.

– Здравствуйте, командор.

Она было обрадовалась, что только приветствием их встреча и ограничится, как командор остановился. Карен была вынуждена остановиться тоже.

– Прогуливаетесь?

Раньше она не замечала за ним привычки задавать риторические вопросы. Видимо, он и сам не знал, зачем остановился и о чём с ней теперь говорить.

– Да.

Карен переступила с ноги на ногу. Командор огляделся и коротко махнул рукой в сторону набережной. Карен нехотя пошла рядом. Интересно, как охранники восприняли тот факт, что у них увеличилось количество подопечных? Один телохранитель уже стоял на набережной, оглядывая горизонты.

Только сейчас Карен заметила, что командор невысок ростом – её макушка доходила ему до сидящего виска. Сколько таких открытий ей ещё предстояло?

Холт рассеянно смотрел на медленно текущую тёмную реку.

– Хорошо выглядите, – сказал неожиданно, не сводя глаз с воды – словно делал комплимент утопленникам. Карен не нашла ничего лучшего, как сообщить:

– Я выпалась.

И тут же задумалась – не воспримет ли он это как намёк на ту ночь в его квартире? При общении с Холтом она всё время чувствовала себя неуклюжим, застенчивым и мнительным подростком.

– У меня сложилось впечатление, что вы меня избегаете, – отсутствующе произнёс командор. Карен оценила явную бессмысленность его замечания – ей вдруг пришло в голову, что в своих ощущениях она не одинока. Она сказала только:

– Вы ошибаетесь.

Холт коротко взглянул на неё.

– Так это не вы метались там, на аллее, как перепуганный заяц?

Вот чёрт. Значит, он давно засёк её. Карен прикусила губу – и расхохоталась:

– Это было так заметно? Просто следуя давней привычке – держаться от начальства подальше.

Командор кивнул.

– Думаете, озадачу ещё чем-нибудь? Пока нет, Эшли. Пока нет.

Она посмотрела пристальной. Вот он-то наверняка не выспался. И причём, не первый день... Ночь.

– Какие-нибудь... – спросила Карен осторожно. – Есть сдвиги?

Холт опёрся о парапет и заглянул вниз.

– Смотря что называть сдвигами...

Хороший ответ. Странно, что он вообще не одёрнул её – точно задание, которое она выполнила, давало ей право задавать вопросы командору. Карен стояла, чуть ли не ковыряя носком туфли асфальт. Командор молчал и смотрел на реку. Что она вообще тут делает? Спohватившись, Карен довольно демонстративно взглянула на часы.

– Прошу прощения, командор. У меня закончился обеденный перерыв.

– Конечно, – по-прежнему отсутствующе сказал Холт. – Бегите, Эшли.

Ей не понравился употреблённый им глагол. Бегите. Хотя он очень точно определял её желание. От холодного ветра и общения с командором у неё горели щёки, и Карен перехватила заинтересованный взгляд телохранителя. Не отвлекайся от работы, мальчик! Вдруг нестерпимо захотелось оглянуться – увидеть, смотрит ли ей вслед и командор тоже.

Он смотрел ей вслед. Эшли всё убыстряла шаг. Бежит от него или в самом деле опаздывает?

Вот и поговорили, подумал он.

– Не знаешь, чем у нашего командора в последнее время голова забита?

Карен напряглась. Даже здесь, у Гарти, где она всегда расслаблялась, теперь не было покоя.

– А ты что, можешь по выражению его лица определить, когда у него какие-то проблемы?

Гарти шумно фыркнул.

– Ну, после стольких-то лет...

Карен задумалась.

– А мне так кажется, что он всё время отгадывает какую-то головоломку. Не одну, так другую... Или третью. Он когда-нибудь расслабляется?

– Это в смысле – напивается ли он и занимается ли сексом?

Карен улыбнулась.

– И это тоже. В смысле, есть ли у него маленькие слабости, как у всех у нас, смертных?

Гарти подмигнул ей.

– Есть. Он любит приходить ко мне. И ещё любит высоких грудастых брюнеток.

Карен глотнула ещё кофе. Скорчила грустную мину.

– Ай, как мне не повезло!

– В каждом правиле есть свои исключения! – подбадривающе сказал Гарти.

– Ты меня успокоил. Значит, у меня тоже есть шанс?

Гарти кивнул снова.

– И ещё какой!

Что-то он слишком серьёзно это произнёс... Подавив сильнейшее желание развить тему дальше, Карен глотнула кофе. Чашка опустела.

– Сварить ещё? – с готовностью предложил Гарти.

– Конечно.

Гарти говорит, что варит кофе только избранным. Карен, неизвестно каким боком, тоже попала в это число. Или он говорил это всем своим посетителям? Она наблюдала за его привычными экономными движениями. И впервые задалась вопросом – а как, где и с кем живёт Николас? Когда она приходила, видела его здесь. Когда уходила, он ещё был здесь. Может, он просто не выходит из Управления?

– Гарти, – сказала она неожиданно. – А тебе не скучно?

Он так удивился, что едва не просыпал кофе. Оглянулся, поднимая тёмные густые брови.

– С чего это?

– Ты уже столько лет работаешь в Управлении. Практически пришёл вместе с командором. Не надоело?

Он, сосредоточенно шевеля губами, словно считая крупинки, отмерил кофе. Налил кипятка, чего-то добавил; задрав палец, как бы призывая её к молчанию, дождался пенки и ловко снял джезву.

– Оп-ля! Давай кружку.

Она вдохнула аромат кофе. Гарти заглянул в свою кружку, поболтал её и сказал:

– Не скучно.

Карен молчала. Она уже жалела, что спросила. Откровенность зачастую портит хорошие отношения, а вовсе не укрепляет их. Терять расположение Николаса ей не хотелось. Но, оказывается, Гарти думал иначе – он продолжил:

– Когда я вышел из госпиталя... если это можно назвать – вышел – выбор у меня был... сама понимаешь... Так что когда Алекс предложил мне работу, я уцепился за неё руками и зубами.

Пауза. Карен не отрывала глаз от своей кружки.

– Ты не представляешь, как меня от неё ломало! – с чувством продолжил он. – После полёвки, я, молодой парень, – и над бумажонками! Впрочем, что я тебе-то объясняю! Ты ведь и сама всё знаешь! Работа снится?

Карен молча кивнула.

– А мне – до сих пор! Почти четверть века!

– Ну и... как? Привык?

Гарти хмыкнул.

– Всё Алекс. Он то и дело спускался... тогда архив был в подвале... и внушал мне, что без моей помощи ему полный каюк, что тот, кто владеет информацией, владеет миром... Один раз даже вынул меня из петли.

Она вскинула глаза, и Гарти тут же подмигнул ей.

– Так что я обязан нашему командору трижды – за то, что вытащил, когда меня ранили, за несостоявшееся самоубийство и за эту работу. Потом я вошёл во вкус. Даже компьютеры меня не отменили. Куда вы идёте, когда не можете найти данные в сети? К Гарти. Где можете услышать все сплетни Управления? У Гарти. Я, – он полновесно ударил себя в грудь, – просто кладезь информации.

Карен засмеялась и расслабилась, устраиваясь поудобнее.

– Ну-ка, кладезь, выдай-ка и мне что-нибудь интересное!

Гарти склонил голову набок.

– Задайте тему!

– Ну-у...

– Тему-тему! Рассказать тебе, как мальчик с отдела экспертизы подсиживает девочку-начальницу? Или что дяденька с оперативного встречается с дяденькой из сектора пропаганды? Не называя фамилий, разумеется. Никаких имён! Тайна вклада гарантирована!

– И командор тоже всё это слушает? – заинтересовалась Карен. Гарти подмигнул:

– И ещё как! Раскрыв рот! Ну? – он нетерпеливо потёр руки. – Так что ты хочешь услышать?

Карен вдруг вспомнила, как часто они здесь сидели втроём – она, Гарти и симпатичный, поначалу стеснительный парень...

– А можешь сказать, от чего Сандерс покончил с собой?

Гарти длинно, резко вздохнул.

– И ты туда же!

Он раздражённо шлёпнул ладонями по столу и отъехал назад. Карен наблюдала за ним.

– Ну, так что же?

– Если бы я мог, то стал бы лучшим следователем Управления!

– Не увильвай, Гарт! Что в Управлении говорят о его смерти? Версии, Гарт, версии!

– Всего помаленьку, – неохотно отозвался он. – Наркотики, предательство, «крыша поехала»...

– А не была ли там упомянута ещё и баба? – подсказала Карен.

Гарт вдруг начал изучать свои руки – сильные и крепкие. Несмотря на инвалидность, Николас немало времени проводил в тренажёрном зале.

– Баба?

– Ну, знаешь там – редкостная стерва, несчастная любовь? – серьёзно продолжила она.

Гарт вздохнул.

– Ни-ик!

– Ну, была, была, была! – вдруг озлился он.

– И командор тоже интересовался этими версиями?

– Естественно.

– И этой бабой?

– Да.

– И ты назвал её имя?

– Карен, я же источник информации!

И после этого командор обратился к ней своим соколиным – ладно, волчий – взор. Гарт – ты подонок. А командор... просто командор. Как он там говорил? Тщательная отработка версий? Я – его версия. Очень почётная роль. Редко кому выпадающая в Управлении.

– Спасибо, – сказала она. – Спасибо, Гарт. Ты – действительно бесценный источник.

– Карен!

Она нехотя обернулась на пороге.

Гарт кашлянул. Красивый, большой, умный мужчина, всегда готовый посмеяться и выслушать, был сейчас растерян. Был – или казался?

– Ты... ты ещё придешь ко... сюда?

Она сухо улыбнулась.

– Разумеется. Когда мне понадобится информация.

– Ещё один обеденный перерыв?

Эшли резко обернулась от перил набережной. О чём это она так задумалась, что не заметила приближения целой кавалькады? Командор кивнул сочувственно:

– Сожалею, но он опять совпал с моей прогулкой.

– И вам доброго дня, командор, – пробормотала она, выпрямляясь. Один из охранников едва заметно кивнул. Ничего себе – удостоиться чести быть поприветствованной личной охраной командора! Обычно они казались просто тенью, о которых забывали все – вплоть до их клиента.

Командор оглядел пустую набережную. Махнул вдоль неё рукой в чёрной кожаной перчатке.

– Пройдёмся.

Предложение - просьба - приказ? Эшли, засунув руки поглубже в карманы, побрела рядом с ним. От реки дуло нещадно, она поёжилась. Командор обошел её с другой стороны, заслонив от ветра. Проявление заботы, или он просто, как многие военные мужчины, предпочитал идти справа? Почему любое его действие заставляет её так глубоко задумываться? Влияние аналитического отдела?

– Вы не едите, опасаясь за свою фигуру, или у вас нет аппетита? – осведомился командор.

– Я просто быстро ем, – сообщила Карен.

– И не болтаете в столовой с коллегами, – продолжил Холт.

Она пожала плечами.

– Я не очень общительна.

Он серьёзно кивнул:

– Да уж, раз предпочитаете моё общество...

Карен сверкнула на него глазами:

– Я вовсе не ожидала вас сегодня встретить!

– Я так и предполагал, – кисло произнёс он. – Должен ли я понимать это так, что вы не пошли бы на прогулку, зная, что я тут буду?

Конечно! Она и без того приняла слишком большую дозу командора, что в будущем могло оказаться фатальным – и так уже начинает страдать от скудоумия в его присутствии.

– Можете не отвечать, Эшли, – великодушно разрешил он, когда молчание стало просто-напросто неприличным. Карен заметила мелькнувшую в его взгляде усмешку и поспешила отвести глаза. Когда командор улыбался искренне – хотя бы глазами – смотреть на него становилось... трудно. Потому что смотреть хотелось.

– Я говорил с Гарты.

Карен поддержала беседу вежливым «м-м-м?»

– Он сказал вам о нашей – моей – версии.

Карен прошла ещё несколько шагов, прежде чем спросить:

– Вы самом деле думали, что Сандерс совершил самоубийство из-за меня?

Она почувствовала, что Холт смотрит на неё, но не отрывала глаз от плит набережной. Первая, вторая, третья... На пятой командор сказал:

– Я уже говорил – это одна из версий, которую мы обязаны отработать. Насколько я знаю, в тот момент у него не было других серьёзных увлечений.

Как на грех, набережная была словно вылизана – ни камешка, ни даже соринки. Она бы с удовольствием пнула что-нибудь.

...или кого-нибудь...

– Итак, теперь эта версия отработана?

Пауза.

– Я полагаю, да.

– Я уже не обвиняемая?

Холт едва заметно поморщился.

– Не подменяйте понятий, Эшли! Никто вас ни в чём не обвинял!

– Извините, командор, но могу я услышать вердикт?

– Если бы у нас не появились новые данные, я бы продолжал держать эту версию про запас.

Карен резко остановилась, с изумлением воззрившись на него.

– Гос-споди Иисусе!

– Вы верующая, Эшли? – неожиданно заинтересовался Холт.

Она едва не отмахнулась.

– Командор! Прошу прощения, но вместо того, чтобы тратить на всё это дерь... ещё раз простите... ваши драгоценные интеллектуальные и временные ресурсы, следовало для начала просто хорошенько приглядеться ко мне!

– Что я и сделал.

– И?

– И это не дало мне возможности сразу отказаться от выдвинутой версии.

Карен потеряла дар речи. Командор спокойно смотрел на неё.

– Вы умны, хладнокровны, обладаете сильной волей и целеустремлённостью. При желании – очень сексуальны и обаятельны. Думаю, всё это вкупе не могло не произвести большого впечатления на молодого человека. Вряд ли в прежней его... мирной жизни ему встречались такие женщины.

Он некоторое время наслаждался её ошеломлённым видом. Потом заметил:

– Учтите, Эшли, это – не комплимент. Это констатация фактов.

Карен закрыла рот.

– И, чтобы вас успокоить ещё больше – у меня были про запас и другие версии.

– Наркотики и прочие прелести? – еле выговорила она. Успокоить – или сбить с неё спесь, в которую могла ввергнуть его неожиданная характеристика? И когда это в присутствии командора могли проявиться её дьявольская сексуальность и привлекательность?

– В том числе.

Он огляделся.

– Может, всё-таки пойдём дальше? Стоять очень холодно.

Карен машинально двинулась рядом. Через пару минут командор сухо произнёс:

– Заметьте, Эшли, я вовсе не обязан объяснять вам ход своих мыслей и свои действия.

Как-то поздновато он об этом вспомнил...

– И почему же вы всё-таки это сделали?

Он улыбнулся своей обычной ничего-не-выражающей-улыбкой.

– Может, я тоже пал жертвой вашего... непреодолимого обаяния. Между прочим, Эшли, а почему вы сегодня не следите за временем? Ваш обеденный перерыв давно закончился. Поторопитесь, а то Неру взгреет и вас, и меня!

Не взгрел. Просто взглянул поверх очков на извинившуюся Карен. Она поспешно села за компьютер, растирая озябшие руки. И так, что там у нас...

Она посмотрела на экран и увидела вместо колонки цифр лицо командора, когда он серьёзно говорил: «пал жертвой вашего обаяния...». Тихо, почти беззвучно засмеялась. Тотчас её сосед Курт Хаммер привстал, заглядывая за и без того прозрачную перегородку.

– Ты где пропадала, Эшли? Судя по довольной улыбке – на свидании?

– Ага, – легкомысленно согласилась Карен, – и там выяснилось, что я – просто роковая женщина!

Курт разочарованно присвистнул:

– Ну и нечего было ходить морозиться на набережной! Спросила бы меня, я бы сказал тебе это прямо на рабочем месте!

Смеясь, она отмахнулась:

– Работай давай!

Довольный Хаммер опустил в кресло, напоследок заметив:

– Тебе надо почаще смеяться! Глядишь, кто ещё скажет!

Карен в который раз просмотрела список управленческих должностей. Она неизвестно каким образом попала в список особо доверенных лиц, пытающихся выявить «кукушку» – источник утекающей информации. Явно бессмысленное занятие – ведь тем же самым занимаются службы контрразведки и безопасности. Теперь после основной работы ей приходится ещё пару часов искать иголку в стоге сена... В присутствии командора, переселяющегося по вечерам в аналитический отдел – то ли со скуки, то ли ещё по каким своим загадочным соображениям. То есть она перестала «встречаться» с ним в парке, но зато регулярно делит с ним кабинет. Ну и с Неру, конечно.

Вычеркнув ещё пару фамилий, Карен встала, выгнула спину и, морщась, потёрла поясницу. Пожаловалась:

– Моя задница потихоньку принимает форму стула!

Он послушно взглянул в указанном направлении. С её задницей всё было в порядке. Крепкие плотные ягодцы, приятные для взгляда. И наверняка – на ошупь. Он попытался представить реакцию Эшли, если бы командор (лично!) проинспектировал её задницу и доложил младшему офицеру об отсутствии в ней каких бы то ни было аномалий. Сломанная челюсть – это если ему ещё повезет...

– Ещё немножко, – утешил он.

Некоторое время в кабинете слышалось лишь клацанье клавиш компьютера Эшли, да шелест бумаг, которые он просматривал. Карен что-то пробормотала. Он вскинул глаза. Теперь она, сама того не замечая, крутила шей – несколько часов непрерывной работы за компьютером кого угодно доведут до обострения хондроза.

– Что? – спросил он.

– Не понимаю, – буркнула Эшли.

– Что именно?

– Вы ведь наверняка задали тот же вопрос нашему «Умнику»?

– Задал.

– И получили ответ?

– Он выдал несколько наиболее вероятных кандидатур. – Командор выразительно похлопал по ладони узким запечатанным конвертом. – Я тоже в их числе. Службы контрразведки и безопасности сейчас отрабатывают список.

– Сколько кандидатур? Могу я взглянуть?

– Никаких подсказок, Эшли! У вас есть список, должностные инструкции, необходимая информация, доступ к «Умнику». Чертите схемы взаимодействия, анализируйте, дерзайте! Мне, например, нравится один из ваших параметров – коммуникабельность. «Умник» до этого не додумался.

– А могу я сразу вычеркнуть себя?

Командор слегка улыбнулся:

– Можете. Если это будет подтверждено вескими доказательствами.

– Не думаю, что подозреваемых так уж много, – пробормотала Карен.

– Отбросим вас – и задача, считай, уже решена. Так зачем я продолжаю ломать голову?

Он повертел в руках карандаш. Эшли действительно устала – иначе откуда этот раздражённый детский вопрос? Она вновь с силой потёрла шею. Кажется... да, справа у неё болит больше. Он отбросил карандаш и встал.

Карен почувствовала лёгшие на её плечи руки. С недоумением вскинула голову.

– Не крутитесь, – строго сказал ей командор. Его ладони двинулись по её плечам, шее, растирая, разминая просто закаменевшие мышцы. Карен с трудом заставила себя расслабиться.

– При всём моём уважении к искусственному интеллекту, человеческому я доверяю больше. Можете считать меня ортодоксом.

Его пальцы пробежали вдоль шеи, зарылись в волосы, растирая кожу затылка. Карен поёжилась от удовольствия.

– Почему?

Пауза. Большие пальцы надавливали точки вдоль позвонков, остальные поглаживали кожу над ключицами. Каждое прикосновение, казалось, оставляло за собой крохотную электролизующую искорку.

Голос его прозвучал отстранённо:

– Почему – что?

– Почему вы больше доверяете человеческому разуму?

Снова пауза. Карен закрыла глаза. Кончится тем, что она просто стечёт со стула – как растаявшее желе. Если б она не закусила губу, то, наверное, уже бы начала постанывать. Он вообще соображает, что делает? Но командор подошёл к ней так просто и обыденно, словно занимался этим каждый день – делал массаж уставшим подчиненным.

– Человеческий ум... парадоксален. И может выдать очень неожиданные результаты.

– Не всегда верные.

– Иногда верный результат менее ценен, чем неожиданный. Всё готово, Неру?

Карен распахнула глаза и резко выпрямилась. Её непосредственный начальник стоял в дверях, держа в руках какие-то бумаги, и молча смотрел на них. Пальцы командора прошлись последний раз по её напряженным плечам.

– Так хорошо?

Она осторожно повертела головой. Потом смелее. Шею нигде не «клинило», кожа горела, по телу продолжали пробегать электрические искры. Карен не рискнула взглянуть на Холта.

– Да, гораздо лучше. Спасибо, командор.

– Давай посмотрим, что там у тебя, Неру.

Они отошли к столу. Наклонившись, так что волосы почти закрыли лицо, Карен всё же покосилась. Лицо командора было усталым, Неру – невозмутимым. Интересно, а как бы прореагировал начальник аналитического, если бы застал их занимающимися любовью на столе? «Я принёс результаты, командор, взглянете сейчас, или когда освободитесь?»

Размечталась.

Он подумает, что она его преследует.

Карен остановилась в дверях спортзала. Вообще-то, она ожидала, что в такое позднее время в спортзале народу будет немного. Здесь и вправду был только один человек.

Который зато стоил всех остальных, вместе взятых.

Командор мельком взглянул на неё и продолжил отжиматься.

Хотя, с другой стороны, она тоже может предъявить ему встречный иск. Целый год видела командора только издали, мельком, а последний месяц – здрасьте, пожалуйста – куда не придёт, там уже он... Карен закрыла дверь и решительно прошла в раздевалку.

Её вполне устраивало собственное тело, хотя, конечно, сейчас она не придерживается такого жёсткого режима тренировок, как раньше. Теперь от этого не зависела её жизнь, вот что... И в больнице она научилась лениться. Слегка набрала вес, Вальтеру это даже понравилось. Карен с досадой затянула шнурок широких штанов – она терпеть не могла обтягивающих шортиков и леггинсов, не на шейпинг она, в конце концов, сюда пришла!

Начала всё же с самых дальних от командора тренажёров. По мере тренировки они продвигались ближе, пока молча не поменялись соседними тренажёрами. Карен всё никак не удавалось отвлечься, она то и дело косилась в сторону Холта. Никакого настроения ей это, понятно, не добавило, и когда командор, делавший растяжку, вдруг повернулся к ней и предложил: «Спарринг, Эшли?», – она глянула очень мрачно. Командор

вытирал полотенцем мокрую грудь. Майка защитного цвета, такие же, как у неё, широкие удобные штаны... Холт смотрел с лёгким интересом.

– Чем это я вам так насолила, командор? – проворчала она, встать не спешила.

– Ну же, Эшли, не ленитесь! Давайте, давайте.

Он даже подал ей руку – ещё чего! Карен легко поднялась. Попрыгала, разминая мышцы голеней. Командор следил за ней, рассеянно улыбаясь. Да, ему смешно...

Ей смешно не было. Она то и дело оказывалась на матах, пропускала удары, отлетала в сторону. Поднималась – наверняка красная, как варёный рак, – только для того, чтобы через миг улететь обратно. Когда ей, наконец, удалось его достать, она так растерялась, что даже не воспользовалась своим преимуществом.

– Брэк! – наконец скомандовал командор – обоим. Поклонился привычно. Карен в который уже раз вдохнула его запах – свежего пота, утреннего одеколona, разгорячённого тела. Она была мокрая и злая. То, что командор тоже тяжело дышал, её совершенно не утешало.

– Спасибо, Эшли, – сказал он.

– Всегда пожалуйста, командор.

– У вас неплохо получается, – сказал он вежливо, Карен глянула с прищуром.

– Что именно «неплохо»? Шлёпаться на маты?

– Ну, один раз вы меня достали.

– Вы наверняка поддались, – буркнула она.

– Долго занимались?

– Нет. Лет пять. Потом... прекратила.

Прекратила пуля в живот. Командир заметил, как она машинально подтянула пояс штанов, прикрывая шрам. Длинный шарм. Пуля, похоже, была не одна...

– Хватит на сегодня, – заявила Эшли. Подобрала свою куртку и вопросительно взглянула на Холта. – Я могу идти, командор?

Он поморщился.

– Разумеется, Эшли.

– Спокойной ночи, командор.

Пошла, стараясь не волочить подгибавшиеся ноги. Да уж, сказывается отсутствие полноценных тренировок. Надо будет возобновить. Ей всё казалось, что командор смотрит ей вслед. Может, даже на её задницу. Хотя, что там можно рассмотреть в этих балахонистых штанах? Наверняка это всё её больная сексуальная фантазия, и, если обернуться, окажется, что командор с упоением рассматривает очередной тренажёр, на котором ещё сегодня не работал...

– Эшли, – сказал он негромко. Карен чудом не вздрогнула. Обернулась. Командор смотрел на неё.

– Николас по вам скучает. Может, заглянете к нему на пару минут?

«Как-нибудь», сказала она Гарти. Не дождавшись ответа, командор добавил:

– Учтите, это – не приказ. Спокойной ночи.

А что это, если не приказ? Товарищеская просьба? Призыв к милосердию? За что, собственно, она разозлилась на Николааса? Разве на его месте она поступила не так же?

Не так. Если бы пришлось прикрывать Вальтера, она бы для начала сделала всё, чтобы разобраться самой, а не подставлять его под волчьи очи начальства.

В общем, у Гарти и без неё полно посетителей...

– Привет, – сказала она, заглядывая в дверь.

– Привет, – машинально отозвался Гарти. Поднял голову от заваленного бумагами стола – и расплылся в широчайшей улыбке. – Это ты?

– Не узнаёшь? Я так изменилась? – осведомилась она, переступая порог. Командором тут и не пахло. Это её взбодрило.

– Я так давно тебя не видел, что забыл, как ты выглядишь!

– Короткая же у тебя память!

Она по-свойски уселась на край стола, покачивая ногой. Гарти подпёр подбородок кулаками, снизу заглядывая ей в глаза:

– Ты не злишься?

Карен рассеянно перелистнула растрёпанную папку.

– Почти нет. У меня ещё психология не перестроилась – привыкла, что мы с напарником прикрываем друг другу задн... спины. Забыла, что уже не на «полёвке», а в Управлении.

– Хотел бы я быть твоим напарником...

Она захлопнула папку.

– Не такой уж это сахар – быть моим напарником! Вон хоть у Вальтера спроси...

– Это тот рыжий парень, с которым ты ушла с вечеринки, а в общежитие так и не вернулась?

У неё аж скулы свело – но Карен заставила себя рассмеяться.

– А цвет моего нижнего белья тебе не известен?

– Защитный, – серьёзно поведал Гарти. Карен расхохоталась – на этот раз искренне.

– Девочка моя, ты теперь одна из нас, и мы просто не можем остаться к тебе равнодушными! Мы всё про тебя знаем.

– Ну, например?

– Ну, например: на днях у тебя был спарринг с командором.

Она аж подпрыгнула на столе.

– Тьфу!

Гарти подмигнул:

– Хочешь, скажу счет?

– Не позорь меня, – простонала Карен. – Случайно, ещё не начали делать ставки?

– Нет, но посетителей спортзала прибавилось.

– Придётся идти в другой.

– А я только собрался на тренажёры, – вздохнул Гарти. Карен молча показала ему дулю.

– Ах, как мне не хватало твоих любезных манер... Кофе?

– А покрепче?

– А?

– Будешь сегодня моим барменом-собутельником?

– Хочешь напиток?

– Надраться, – поправила Карен. – Так будет вернее.

Гарти подёргал себя за мочку уха. Отъехал к обычному на вид стеллажу. Карен с интересом смотрела, как он возится с замком. Дверца распахнулась.

– Ух ты! Настоящий бар!

– Выбирай, – по-царски предложил Гарти, подаваясь в сторону. Карен уставилась на многочисленные бутылки.

– Глаза разбегаются... Ты, часом, не спаиваешь здесь управленцев с целью добычи секретной информации?

– Вас споишь, – буркнул Гарти. – Всё вылакаете – и ни гу-гу.

– А если что-нибудь добавить в спиртное? Какой-нибудь наркотик? – предложила она, поглубже ныряя в бар. Перед самым лицом Гарти маячил её зад. Гарти не сводил с него глаз. Пробормотал:

– Разве что афродизиаки...

– Для кого ты держишь здесь «Бейлиз»? Для подружки?

Она вынырнула из недр шкафчика с несколькими бутылками в руках.

– Между прочим, в правой руке у тебя чистый спирт, – предупредил Гарти.

– Отлично! Будет коктейль, – Карен с решительным стуком по очереди выставила бутылки на стол. Гарти, забавляясь, смотрел, как с сосредоточенно-вдохновенным видом она готовит свой «коктейль». Вручила ему бокал.

– Пей!

Гарти сунул туда крупный нос.

– Можешь перечислить ингредиенты?

– Не могу. Зачем?

– Чтобы знать, от чего помрёшь...

– Пей, придурок, улетишь к звёздам!

– Не в ад?

– В ад – только завтра утром.

Они серьёзно опустошили бокалы. Карен без передышки налила по второму. Гарти задержал его у рта. Поглядел исподлобья.

– Что, так хреново?

– Пей!

– Чин-чин...

– Хочешь, поговорим? – предложил Гарти. Карен рассеянно болтала бокал – его сложное содержимое то и дело норовило распастись на составляющие.

– О чём?

Голос её звучал приглушённо. Гарти постучал себя по широкой груди.

– Вот тебе моя жилетка! Можешь поплакаться!

– О чём? – повторила Карен.

– Например, почему тебе сегодня захотелось надраться?

– А ты потом всё доложишь командору? – капризно осведомилась Карен. Она удобно устроилась на столе, скинув туфли. Ноги упирались в обод его кресла-каталки. Гарти то и дело с удовольствием поглядывал на эти ноги. Форменная юбка сейчас не скрывала колен, и он находил их вполне и вполне... Карен машинально потёрла ладонью колено, и Гарти перевёл взгляд на её лицо.

– А у тебя есть что ему передать? Если не можешь что-то сказать ему прямо, доверь это мне. Преподнесу в соответствующий момент.

Карен серьёзно заинтересовалась.

– И что, так кто-то делает?

– Бывает-бывает...

Карен сделала крохотный глоток, раздумывая. Что передать? Командор, не могли бы вы убраться куда-нибудь подальше из моего поля зрения? Вы меня нервируете.

Волнуете.

Завораживаете.

Хмм... Гарти обалдеет.

Командор тоже.

Карен сказала другое. Пожаловалась:

– Я чувствую себя не на своём месте!

– А ты знаешь, где твоё место?

– Знала. Когда была оперативником.

Гарти понимающе кивнул:

– Адреналину не хватает?

– Наверно. Да. Пожалуй. Гарти, ты умница!

– И ты за это меня расцелуешь? – с надеждой спросил Гарти.

– И за это я выпью!

– А знаешь, чего тебе ещё не хватает? – спросил он, глядя на её выгнутую шею.

– У?

– Любовника.

Хорошо, что она уже сделала глоток – иначе бы ядовитое содержимое бокала очутилось на его физиономии. Карен всё равно раскашлялась, туманно соображая – когда это она в присутствии Гарти таранилась на командора голодными глазами? Потом поняла, что это рецепт «вообще», и попыталась сконцентрироваться.

– Правда? – спросила с надеждой. – И только-то?

Гарти важно кивнул. Карие глаза его блеснули.

– И так народ удивляется, что такая молодая и хмм... привлекательная девица умудряется обходиться без секса...

– Гарти, тебе что, задавали вопросы, есть у меня кто-то или нет?

– Задавали. Хочешь знать – кто?

Карен была достаточно пьяна, чтобы тоже ответить честно:

– Хочу!

– А вот не скажу!

– Ах ты!..

Гарти, смеясь, уклонился от её замаха.

– А если встречаться с любовником в самых неожиданных местах, получится два в одном стакане – адреналиновый секс. А? Как тебе?

– ...Пьянка в рабочее время?

Гарти вытянул голову, выглядывая из-за её плеча.

– О, кто к нам пожаловал!

Карен заторможено оглянулась. Реакция подвела, она и не подумала спрятать бокал от всевидящих глаз командора. Да это ей бы это не удалось. Достаточно было взглянуть на их раскрасневшиеся лица. Ещё и в воздухе наверняка витает соответствующий аромат...

– А вот и не угадал! – злорадно объявил Гарти. – Это у тебя рабочий день занимает круглые сутки. А мы, смертные, соблюдаем режим труда и отдыха, регламентированный законодательством нашей страны!

– Особенно отдыха, – командор вытянул шею, разглядывая батарею выстроившихся на столе бутылок. Спросил – смиренно. – А можно хоть одну рюмочку усталому небожителю? Что пьёте?

Гарти молча показал пальцем на Карен. Та объявила громко:

– Коктейль называется «Вдохновение» и готовится только один раз!

– Как я опоздал, – огорчённо сказал командор. – Придётся справляться самому.

Оглянулся, подтащил поближе к столу кресло, сбросил на спинку пиджак, засучил рукава рубашки. Начал так же деловито, как до того – Карен – смешивать содержимое бутылок. Победоносно продемонстрировал восхищённым зрителям готовый напиток.

– «Красная смерть»! Кто рискнёт?

Рискнули все.

Минуту после этого Эшли и Гарти отпыхивались, отплевывались и тушили пожар в обожжённых ртах – всем, что под руку попадало. Командор тонко улыбался себе в бокал. Видимо, глотка у него была лужёной. Как и желудок. И нервы. Карен туманно подумала, что следовало бы слезть со стола. Начальство... как-никак. Она огляделась и обнаружила, что заперта на столе: справа – креслом командора, слева – креслом Гарти. И успокоилась. Нельзя сказать, чтобы она не собиралась. Никак нельзя.

– Есть повод? – осведомился командор. – Праздник? Горе?

– Карен хотелось надраться, – сдал её Гарти.

Командор сочувственно кивнул:

- Как я вас понимаю!
- Вам тоже хочется надраться?
- Если бы я надирался каждый раз, когда мне хочется, давно бы уже спился.
- Но мы старались! – сказал Гарти утешающе.
- В молодости, Николас, всё осталось в молодости...

Карен заклонило:

- А по какому поводу вам хочется надраться?
- Поводы бывают разными. Причина всегда одна – что-то идёт не так.
- Отличная формулировка!

Выпили за формулировку. Карен наклонилась, подпирая голову обеими руками и рассеянно улыбаясь. Гарти, рассказывая что-то, жестиком указывал рукой с бокалом. Командор слушал, кивал. На его бледных скулах появился румянец. Она никогда его не видела подвыпившим. Ему шло – он улыбался. А вот интересно, передаёт ли командор обратно через связующее звено – Гарти – свои пожелания подчинённым? Может, и ей что-нибудь передаст? Ага, например: хватит пить, Эшли!

– Хотите ещё, Эшли? – тут же спросил командор, потянувшись к её бокалу.

- Только не вашего пойла!

Командор рассмеялся. Гарти рассмеялся. Карен спохватившись, пробурчала:

- Извините, командор. Я лучше что-нибудь не смешивая.

Командор привстал, опершись об её ногу, передал Гарти бутылку. Карен посмотрела, Холт посмотрел и убрал руку. Улыбнулся мимолётно, извиняясь. Вряд ли здесь был какой-то сексуальный подтекст, думала Карен. Точно так же он мог опереться о плечо Гарти. Да, но опёрся-то о твою коленку! О, заткнись!..

Так как она вела свой внутренний диалог, ей трудно было поддерживать разговор внешний. И наверное, со стороны выглядела она гораздо более набравшейся. Потому что командор, пару раз взглянувший на неё, предложил дружелюбно:

– Если эта та самая кондиция, которую вы хотели достичь, Эшли, может, я довезу вас до дома?

- Стоп, она ведь ещё не рыдала на моей груди!
- Ну давай, я порыдаю, – предложил командор.
- От тебя дождёшься! Засохну, как тот кактус в пустыне!
- А тебя подвезти?
- Предпочитаю остаться и долакать твоё «пойло».

– Не отойдёшь к понедельнику, – предупредила Карен, сползая со стола, и нашаривая запнутые куда-то туфли. Гарти наклонился, отыскал их. Очень медленно надел на ноги Карен. Командор молча наблюдал.

- Спасибо. И спасибо, что помог, – Карен потрепала Гарти по щеке.

Тот расслаил:

– Да всегда п-жалуйста! И выпить, и погврить! Моя жлетка к твоим услугам! – он уже начал проглатывать гласные.

Стараясь держаться точного направления, Карен прошествовала к выходу, на ходу надевая плащ. Оглянулась на пороге. Гарти сделал им пальчиками:

– Не забудьте, в понедельник на работу!

Карен хмыкнула:

– Сам к тому времени протрезвей! Пока!

В лифте с облегчением прислонилась к более-менее устойчивой стене. Пощурилась на мягко светивший плафон. Спросила с вызовом:

– Командор, а вы, действительно, когда-нибудь напиваетесь?

– Сейчас.

Карен отмахнулась.

– Ни вы, ни Гарти даже не перепрыгнули первую стадию опьянения! Это что, управленческая выучка?

– Большой опыт? – предположил командор. Он с лёгкой улыбкой наблюдал за ней от другой стены. Придержал за локоть, когда Карен преодолевала крохотный порожек лифта. Да так и оставил пальцы на её руке. Она молчаливо согласилась, что поддержка ей сейчас не помешает.

– Доброй ночи, – распрощался командор с дежурным, Карен покивала.

Поздний вечер был влажным и тёплым. Недавно прошедший дождь оставил после себя большие лужи, отражавшие фонари. Командор огляделся:

– Может, пройдемся немного пешком?

Хочет немного её протрезвить, перед тем, как она явится в общежитие? Холт махнул рукой. Машина неподалёку зажгла фары и медленно поехала следом за ними. Командор рассеянно сунул руку Карен себе под локоть. Та сосредоточилась, чтобы не слишком на нём виснуть. Она как-то не планировала сегодня вечерний променад с командором... Карен внезапно разобрал смех.

– Что такое? – тут же спросил Холт.

– И часто вы доставляете домой пьяных подчинённых?

– Женского пола – первый раз.

– Вообще-то, не так уж я пьяна, – сочла своим долгом уточнить Карен. – Этот ваш коктейль... там, случаем, не было нашатырного спирта?

Холт улыбнулся ей.

– Много соку, перца и специй. И кро-охотная доля виски!

– Вы обманщик! – обвинила Карен. Холт кивнул, соглашаясь.

– Эшли, я рад, что вы помирились с Николасом. Несмотря на всю его общительность, друзей у него не так-то много. И ещё... не знаю, как сказать...

– Это вы-то? – поразилась Карен, останавливаясь. Командор тоже остановился. Но её руку не выпустил – стоял так близко, что она сумела рассмотреть крохотный шрам над его верхней губой.

– Думаю, если бы я не выпил, не начал бы этого разговора. Дело в том, что Николас... Несмотря на то, что Николас инвалид, репродуктивные функции у него в полном порядке.

Карен моргнула. Повернулась и пошла дальше. Командор, естественно, тоже. Через несколько шагов она сказала:

– Не помню, чтобы я вообще когда-то задавалась этим вопросом.

Холт пожал плечами.

– Просто я решил, вам стоит это знать, и всё.

Карен покосилась с внезапным подозрением:

– А вы, случаем, не занимаетесь сводничеством, командор?

Холт улыбнулся ей сомкнутыми губами.

– Не думаю, что это моё призвание. Просто я хотел объяснить, что нет никаких препятствий...

Карен вырвала руку из-под его локтя.

– Да что же это такое сегодня! Я что, выгляжу такой сексуально неудовлетворённой?!

Они опять остановились – нос к носу. Водителя машины, наверное, уже достали их внезапные остановки. Для командора её вспышка оказалась сюрпризом.

– Н-нет, – сказал он, разглядывая новую – свирепую Эшли. – Я вовсе не хотел вас оскорбить или... А что, сегодня было уже высказано такое предположение?

– Гарти, – буркнула она. – Он посоветовал мне срочно обзавестись любовником, причём прямо на рабочем месте. Только, в отличие от вас, не пытался рекомендовать вашу кандидатуру...

– Я тоже не пытаюсь, – покладисто согласился Холт, вновь завладевая её рукой. Теперь уже сунул её в карман своего плаща. Карен почувствовала сквозь ткань его твёрдое бедро. Её пробрала внезапная дрожь.

– Замёрзли? – тут же спросил командор. Озабоченно оглянулся на машину.

– Нет-нет, – пробормотала она. – Идёмте дальше.

А почему, собственно, он не предлагает свою кандидатуру? Она не достойна? Карен, в смысле. Не кандидатура. Его кандидатура требует самого тщательного и подробного изучения, и она бы с удовольствием занялась этим самым изучением... Ч-чёрт, и вправду выпила сегодня с лихвой! Переключайся, переключайся! Как назло, в голове ни единой разумной мысли.

Командор остановился поодаль от офицерского общежития.

– Ну, не буду компрометировать вас, Эшли...

Или себя? Карен высвободила руку из тёплых пальцев Холта.

– Всего доброго, командор.

– Эшли.

– Да? – она обернулась, и её дыхание пресеклось – казалось, он потянулся к ней...

Показалось. Командор сказал своим обычным скучным голосом:

– Советую завтра с утра выпить пива. Проверенное средство.

– Спасибо за заботу, командор, – ядовито отозвалась Карен. Он пропустил её сарказм мимо ушей – махнул рукой, словно говоря: «боже мой, какие пустяки, не стоит благодарности» – и хлопнул дверцей подъехавшей машины.

– Вычёркиваю ещё троих!

Подошедший Холт склонился над столом – и над ней. Карен осторожно вздохнула – отдать под суд производителей этого мужского парфюма – все мысли о работе моментально вылетают у неё из головы, когда она его ощущает!

Или когда командор подходит к ней так близко...

– И по каким соображениям?

Карен отвечала машинально – в голове продолжало крутиться: проверяет ли он её сообразительность или всё-таки её лояльность? И ещё – как отвлечься от его запаха, его тепла?

Его присутствия.

– Неплохо, Эшли. Когда закончите, можете вскрыть этот конверт, – он покрутил и бросил ей на стол заветный конверт. – Но только когда закончите.

Отошёл к своему креслу – он-то сам работал с наивозможным комфортом, разложив на низком столе бумаги и ноутбук. Карен исподволь смотрела на его профиль: с некоторых пор это стало её навязчивой привычкой. Холт потёр подбородок – медленным, знакомым движением... И – словно ей не хватало этого одного-единственного движения – Карен спросила дрогнувшим голосом:

– Сандерс – ваш сын?

Холт слегка наклонился к ноутбуку, вглядываясь в какие-то цифры, качнул головой и закрыл крышку.

– Брат, – он даже не удивился. – Единоутробный.

– Бог ты мой... – пробормотала Карен.

– Когда и как вы догадались?

– Мне всегда казалось, что Сандерс пытается походить на вас: знаете, манерой поведения, тембром голоса, как он садится, даже как держит чашку... А сейчас я вдруг поняла, что он не пытался... Он и был *похож*.

Командор помолчал.

– Между нами большая разница в возрасте. Я ему, скорее, в отцы гожусь. Наша мать родила меня очень рано, его – после сорока. Видел его редко – когда приезжал на каникулы и в отпуск с «полёвок». Он всегда был забавным и смышлённым мальчишкой. Я не удивился, что он пошёл, так сказать, по моим стопам. Следил за ним на расстоянии. А когда мама умерла, взял его в Управление. Родственный протекционизм...

Холт откинулся на спинку кресла, закинув руки за голову. Поглядел в потолок.

– Вы уже поняли, как я за ним «присмотрел», – сказал с отвращением. Карен молчала. Все слова тут бессильны. Разве что встать, подойти, обнять, поцеловать в седой висок... Она отвела глаза почти что со смущением: желать мужчину – одно, а жалеть, хотеть приласкать, утешить – гораздо серьезней. Здесь присутствует нечто гораздо более сокрушительное и интимное, чем секс.

Нежность.

Карен поднялась из-за своего компьютера. Сделала небольшой круг по кабинету. Выглянула в окно – дождь, дождь... Вечный дождь.

И всё-таки подошла к командору.

Осторожно коснулась его щеки. Холт, вздрогнув, вскинул изумлённые глаза, с мгновение смотрел на неё снизу. С глубоким вздохом взял её ладонь, прижал к глазам, потом к губам... Потом, не выпуская её руки, поднялся.

...Карен выгнула шею, наслаждаясь его прикосновениями, скользящими по коже губами. Горячий шёпот... Показалось сначала, что она слышит отголосок собственных ядовитых мыслей, но это произнёс командор:

– ...поздравляю... вы добились своего с обоими братьями...

– Что?! – она вывернулась из его рук, Холт слепо потянулся следом, но Карен отступила, и командор тут же остановился. Спросил непонимающе:

– Что такое?

– Я никогда не спала с вашим братом!

Он смотрел на неё, тяжело дыша. Кажется, он даже не понимал – о чём это она. Карен проследила его взгляд и начала торопливо застёгивать рубашку. Она и не заметила, когда он успел это сделать.

– Вы верите мне?

Пауза.

– Я вполне допускаю такую вероятность, – сказал командор обычным суховатым тоном. Глаза стали прежними – ясными, холодными и внимательными. Карен подивилась его самообладанию: у неё самой всё ещё перехватывало дыхание, а по коже пробегали сладкие огненные искорки. У Холта лишь продолжало гореть лицо.

– Это вопрос доверия, командор! Вы *верите* мне?

Снова пауза.

– Я не всегда доверяю даже самому себе, Эшли.

Всё встало на свои места. Карен зло усмехнулась.

– На сколько раз вы перечитали моё досье, прежде чем решились заняться со мной сексом?

– У меня фотографическая память, – сказал командор устало. – Достаточно было одного раза. Эшли, я не понимаю, чего вы от меня хотите?

Он действительно не понимал.

– А можно спросить, командор?

Он попытался отшутиться:

– Даже если я скажу – нельзя – это что-то изменит?

Эшли стояла перед ним навтыяжку – армейской выправке противоречили горящие глаза, взлохмаченные волосы и припухшие губы. Исцелованные им губы. Он отвёл взгляд.

– Не припомните, когда в последний раз вы ложились в постель не с проверенными боевыми подругами и столь же проверенными высококвалифицированными проститутками?

Командор сел, вытянув руку по спинке массивного кресла. Опустил глаза. Казалось, он серьёзно обдумывает её вопрос. Губы его скривились в усмешке.

– Очень давно, Эшли.

– Я польщена! – сказала Эшли с ненавистью и вышла, грохнув дверью.

Он поморщился от громкого звука. Потёр подбородок. Возбуждение отступало медленно, так медленно... Он потерял контроль над собой – а заодно и отношения, которыми дорожил. Хорошо ещё, если не талантливого сотрудника... Откинулся затылком на спинку дивана. Что-то не припомнит он, когда так заводелся от одного невинного прикосновения. И кое-что ещё – когда ему в последний раз отказывала женщина. В ранней юности? Ощущение было новым, свежим и... сокрушительным.

Карен шла домой и пинала весь мусор, попадавшийся на пути. Попадалось немало, но всё же недостаточно, чтобы её гнев улёгся. Правда, злилась она теперь не только на Холта. На себя – тоже. «Чего вы от меня хотите, Эшли?» Того, что, видимо, получить от командора невозможно – доверия. С какой стати он будет переделывать себя – под неё?

Холт предложил ей то, чего она сама давно желала, а она ушла и ещё дверью хлопнула. В его глазах она, наверно, выглядит просто вздорной истеричной бабой.

И он прав. Совершенно.

Карен мрачно уставилась на горящие окна общежития. И что дальше? Как обычно – встряхнёмся и будем жить? Не привыкать... В кармане завибрировал телефон – беззвучно, но Карен всё равно вздрогнула. Выхватила телефон, точно пистолет из кобуры: чёрточки вместо определившихся цифр.

– Слушаю?

– Эшли.

Пальцы сжали телефон сильнее, но Карен умудрилась отозваться нейтральным тоном:

– Да, командор?

– Извините.

Гудки. Карен послушала их, точно пытаюсь получить необходимое объяснение. Сказала негромко:

– Ничего, командор. Ничего.

Действительно, оказалось – «ничего». На следующий день командор поприветствовал её обычным суховатым «доброе утро, Эшли». Вечером они поработали вместе с Неру, Холт распорядился подбросить Карен на машине до дома, сам остался в Управлении. Через пару дней у Карен перестало ёкать сердце при упоминании командора или при его появлении. Всё правильно. Они взрослые, нормальные люди и легко справятся со свалившейся невесть откуда на них сексуальной лихорадкой...

Она иногда подумывала, не занимается ли Холт таким же аутотренингом. Хотя, скорее всего, командор давно уже отключил нейроны памяти, в которых хранилось это маленькое происшествие...

– Вижу, дело движется к концу?

Карен вскинула отсутствующий взгляд: «гимнастика для ума» – вычисление «кукушки» – серьёзно увлекла её. Командор просматривал готовые выкладки. Кивнул:

– Отлично, Эшли. Я даже не ожидал, – он никак не прокомментировал тот факт, что в существенно уменьшившемся списке по-прежнему остаётся его фамилия.

– А моё... моя точка зрения, – осторожно спросила Карен, – будет иметь какое-нибудь значение?

– Для кого?

– Для служб безопасности... контрразведки. Для вас.

– Для двух первых – навряд ли. Мы все у них под подозрением, но опираться они будут прежде всего на факты, а не на заключения «Умника» или вашего острого ума. Но всё равно, Эшли...

– Да, командор?

– К какому бы вы выводу ни пришли – не торопитесь что-либо предпринимать. Просто придите ко мне, и мы всё обсудим. Хорошо?

– Так точно, командор, – отозвалась Карен, не совсем понимая, с чем соглашается. Холт постоял рядом, словно соображая, что бы ещё сказать – или вспоминая, что он хотел сделать. Кивнул и отошёл. Карен проводила его глазами.

...Он что, думает – она подозревает *его*?!

Она закрыла глаза. Зажмурилась. Открыла, посмотрела на схему и с силой потёрла лицо. Всё сходилось. Сходилось в одной точке. Сколько бы она не проверяла. Это... Карен поднялась – со стола покатились ручка, она не стала её поднимать. Где конверт, что оставил ей командор? Она надорвала запечатанный конверт, вынула записку – мелкий чёткий почерк. То же самое имя. Какого же чёрта они столько времени теряли, если заключение «Умника» давным-давно было готово... Что за экзамен он ей вечно устраивает? В какие игры играет? За-чем?

«Просто придите ко мне, и мы всё обсудим». Она видела, в его окнах горел свет. Стук её каблучков гулко отзывался в пустых коридорах Управления. Карен дёрнула дверь и едва не застонала – закрыто! С досады сильно потрясла ручку двери. Он отправился домой? Может, позвонить по номеру, который он ей когда-то дал? «В любое время, Эшли, в любое время дня и ночи». Распространяются ли его слова и на сегодняшний вечер? Она вернулась к себе кабинет и начала раз за разом набирать номер. Квартира командора отвечала пустотой; наверное, ещё не доехал... а номер его мобильного ей неизвестен. Карен рассеянно собирала сумку, решая, что делать дальше. Что она *может* сделать? Предъявить обвинение самолично? Он просто посмеётся над ней и будет совершенно прав. У неё нет никаких доказательств... кроме заключений её проклятого аналитического ума.

Она вновь выглянула в окно. В архиве всё ещё горел свет. В окне появился силуэт человека – но не Гарты – человек *стоял* спиной к окну. Он повернул голову, и Карен с ухнувшим сердцем узнала профиль командора. Холт шагнул вперёд – и в ту же секунду в архиве погас свет. С секунду Карен продолжала вглядываться в темноту. Что там происходит? Предупредить дежурного? А если командор просто зашёл, по своему обыкновению, навестить старого друга и теперь они вместе направляются домой? Но почему так внезапно погас свет?

Карен стянула туфли – она всегда предпочитала обувь на мягкой подошве, позволяющую двигаться стремительно и бесшумно, на кой же чёрт приобрела вдруг эти гремящие копыта? Поколебалась перед лифтом – быстрее, но слышнее – и выбрала лестницу. Преодолела несколько пролётов, бесшумно ступая, двинулась по неосвещённому коридору к архиву. Игра в прятки, да и только! Не хватает только, чтобы из темноты раздался голос: «Карен Эшли, чека!» Архив занимал всю левую половину крыла здания. Вход, еле освещённый уличным фонарём, находился в самом конце. Дверь наверняка так же заперта, как и в кабинете Холта. Она протянула руку – и замерла. Дверь была приоткрыта. Чуть-чуть. Чуть-чуть... Но Гарты никогда не уйдёт, не заперев, как следует, свою сокровищницу. Никто в Управлении этого не сделает. Даже сейчас, в спешке, она всё-таки закрыла дверь, ведущую в аналитический сектор.

В архиве было очень темно и очень тихо. Затаив дыхание, Карен опустилась на колени и прижалась щекой к той створке, которая не открывалась – дверь в архив была двойной, видимо, чтобы удобнее было вносить сюда огромные стеллажи. Прислушалась, зажмурив глаза, точно зрение мешало ей слушать. И едва не подпрыгнула, услышав обыденный голос командора.

– Зачем ты это сделал?

Он стоял между стеллажами, тоже закрыв глаза и подняв голову. Николас знает свою вотчину, как свои пять пальцев, но всё же услышать человека, перемещающегося в инвалидной коляске, гораздо легче, чем имеющего обе здоровых ноги. Во всяком случае, Холт надеялся на это. А что ему ещё оставалось делать?

Негромкий смешок.

– А ты как думаешь?

Он напряг мышцы и снова расслабился. Звук доносился ниоткуда – и отовсюду. Николас использует переговорное устройство. Это плохо. Но он разговаривает. Это хорошо.

– Деньги? – предположил он.

– Пфе-е, приятель, – разочарованно протянул невидимый собеседник. – Хотя, конечно, деньги никогда не бывают лишним фактором...

– Сколько тебе платят? – спросил он спокойно.

– Несколько больше, чем в нашем родном Управлении. Но это неважно.

Он слепо повернул голову.

– А что же тогда для тебя важно?

– То, что я столько времени дурил тебя, великий человек. Ты, со своей дьявольской пронизательностью и гениальными мозгами, не сумел догадаться, кто занимается передачей информации. Ты даже не подозревал об утечке, ведь так?

– До поры до времени.

– До того времени, как молодой Сандерс сунул свой любопытный смыслённый нос в это дело.

– И тогда ты его убил, – ровно продолжил Холт.

Пауза. Когда Гарти вновь заговорил, в его голосе было смущение:

– Честное слово, я не знал тогда, что Сандерс – твой брат!

– А если бы знал, это что-то изменило?

Карен подцепила пальцем приоткрытую створку и осторожно потянула на себя, молясь всем известным ей богам, чтобы тыловая служба Управления отлично выполняла свои обязанности – в том числе и регулярно смазывала дверные петли.

– Если кто и должен был выйти на меня, то только ты, а не этот ретивый мальчишка, роющий землю во славу твою!

Холт вздохнул:

– Ну вот, я тебя вычислил. И что же дальше?

Пауза. Кажется, Гарти серьёзно озадачился. Наверное, он даже не задавался таким вопросом – просто прокручивал в уме этот краткий миг торжества и посрамления его, командорского, гения.

Створка поддавалась, но Карен тянула её медленно, по миллиметру в минуту. Она уже вся взмокла от напряжения.

– А кстати, как именно ты на меня вышел? – с интересом спросил Гарти. Карен насторожилась. Показалось, или его голос стал ближе? Не показалось – она услышала лёгкие шаги – командор поменял местоположение.

Гарти засмеялся.

– Боишься, Алекс?

– Есть немного, – спокойно отозвался командор.

– А раньше ты ничего не боялся...

– Это было до того, как друг меня предал.

Карен почувствовала, что просто обливается потом, и безмолвно взмолилась: что ты делаешь, не раздражай его, только не раздражай его, продолжай говорить! Не ты ли сам составлял для нас инструкции по переговорам с террористами?

Командор как будто услышал её.

– Видеокамеры в квартире Эшли – твоя работа?

– Ну что ты! – Гарти снова рассмеялся. Ей всегда нравился его смех – он так часто заставлял смеяться её саму. – Не издевайся над прикованным к креслу инвалидом!

– Тогда чья-то по твоему наущению?

– В порядке услуги! – ей вдруг представилось, что он привычно лукаво подмигивает. – Я попросил установить камеры, потому что с ума схожу по Карен: хотя бы подрочить на видео. Понял – как мужик мужика.

– И только?

– А, нет! В благодарность я позабыл об одном его прошлом грешке. И ты о нём уже не узнаешь, потому что я забыл намертво.

– Но для чего тебе это понадобилось?

Дверь открылась уже настолько, что Карен могла пролезть боком. Что он так привязался к этим камерам? Тянет время? Или командор не успокаивается, пока не разрешит все загадки?

– Почему именно в тот день? Что ты планировал?

– Это *ты* планировал! Я что, не видел, как ты на неё смотришь?

Пауза. Говорите же, командор, говорите, а то Гарти услышит шелест протискивающегося в щель тела...

– И как я на неё смотрел? – спросил Холт с интересом.

– Да ты был готов разложить её на столе тут же. Ты бы так и сделал, если б меня здесь не было!

Карен от неожиданности замерла посередине преодоленной створки – а вот *она* не была готова это услышать. Похоже, ей не следует особо вникать в суть разговора, а только следить за интонацией и за перемещением противников – а то этак она запросто остолбенеет после особенно занимательной фразы.

– И тогда ты решил, что это непременно произойдёт на её территории, – подхватил командор.

– Разумеется, – подтвердил Гарти со смешком. – Тебя и в молодости-то редко прокатывали, а уж когда ты заделался командором...

Отлично! Она уже в архиве. Теперь остаётся определиться с местонахождением Гарти.

– И где это было? – требовательно спросил Гарти. – У неё? У тебя? Ты снял какой-нибудь номер? Какова она в постели? Ты не думаешь, что староват для такой боевой девчонки? Давай колись, рассказывай!

– Гм, – сказал командор, – а ты тем временем будешь дрочить в темноте?

Да, решила Карен, ей *определённо* не следует вслушиваться. Она медленно двинулась к проходу между стеллажами.

– Стоп! – вдруг сказал Гарти, и она распласталась на полу. – Ты кого-то с собой привёл?

Тишина – похоже, командор тоже прислушивался. Карен конвульсивно зажала себе рот ладонью.

– К сожалению, я один, – сказал командор. – Разве что тут у тебя завелись привидения...

– Пришёл один и без оружия, – с удовлетворением сказал Гарти. – Ты всё такой же псих!

– А ты как был мудаком, так и остался.

Ну, спасибо, командор! Вы очень облегчаете нам задачу – мы, безусловно, накроем Гарты – после того, как он вас прикончит. Но, к удивлению Карен, Гарты лишь рассмеялся. Так, посмеиваясь, он сменил положение и – параллельно ему сдвинулся командор. Однако параллельные линии всё же пересекаются.

Где-то там.

В бесконечности тригонометрии и архива.

Какого дьявола она ни разу не попросила Николаса провести экскурсию по его святой святых? С её чувством направления она бы уже преодолела половину пути... Карен уткнулась в очередной тупик. Её ноздри дрогнули, ощутив еле уловимый аромат одеколона. Знакомого одеколона – где-то совсем рядом находился Холт. Вот с кем-кем, а с *ним* она совершенно не горела желанием встречаться. Она не знала, какую игру ведёт командор, но правила ей очень не нравились. Неужели он действительно пришёл без оружия? Не ожидала от него такой глупости...

– Знаешь, – произнёс Холт – так близко, что она втянула голову в плечи, а потом очень медленно опустилась на корточки. – Мы оба проиграли.

– Ты о чём?

Узкая юбка страшно мешала. Карен переместилась ряда за два от командора и без сожаления с ней рассталась.

– Мы оба мечтали разложить её на столе... И оба проиграли.

– Неужели Эшли тебе отказала?! – с весёлым недоумением спросил Николас. Рассмеялся. Карен краем глаза уловила стремительное движение – командор переместился на пару рядов вперёд. А не заметил ли он её тоже? И если заметил, понял ли, кто? Этак она невзначай может получить по затылку – от командора же.

– Увы, – грустно сказал Холт. – Я ведь тоже не молодею...

Ох, не кокетничайте вы, командор! Никто даже и думать не думал о вашем возрасте... Карен подняла руки и проверила крепления полок на прочность. Сделаны намертво. Пойдём по верху? У неё была привычка в каждом новом помещении находить варианты отхода и нападения. Тогда, в первый свой визит в архив Гарты, она и подумала насчёт пустых верхних полок стеллажей.

– Хочешь сказать, ты теряешь сноровку, а, приятель?

– Очень на то похоже.

Николас засмеялся – он сместился куда-то влево.

– Ну, не так быстро, Алекс! Я вижу твою тень.

Карен поспешно опустила глаза. Тени не было, потому что не было света. Но кто знает, какие приспособления имеются у продвинутого архивариуса? А вдруг у него своя собственная параноя – и своя собственная нитка?

И детектор движения.

И прибор ночного видения...

Карен преодолела пару рядов, стараясь не задеть головой светильники и каждый раз замирая, прежде чем пересечь тёмное ущелье ряда. В носу

чесалось от пыли, и её пробрал нервный смех – надо посоветовать Николасу лучше следить за своим хозяйством!

– Алекс? – спросил Гартти – по-прежнему откуда-то слева.

– Я слушаю тебя, Николас, – отозвался командор.

– Тебе не кажется, что нас здесь всё-таки больше, чем двое?

Холт помолчал.

– Надеюсь, это не крысы. Ненавижу крыс.

Я тоже, командор, я тоже, подумала Карен, свешиваясь в очередное ушелье. Особенно тех, которые перемещаются на двух ногах.

Или на колесах.

Где же этот чёртов Гартти?

...Он оказался гораздо ближе, чем она думала.

Когда Гартти сдёрнул её со стеллажа, она даже охнуть не успела. Да и не хотела. У него оказались очень сильные, тренированные руки и торс – недаром Николас столько времени проводил в спортзале. У Карен было преимущество в подвижности, у него – в устойчивости и силе. Схватка была молчаливой и очень короткой. Оба застыли, тяжело дыша, сплетённые странным полуобъятием-полузахватом. Карен не могла вырваться, но и Гартти уже не мог её отпустить.

– Николас, – позвал командор. Всё это время он чутко вслушивался, пытаясь понять, что происходит. – Николас, что там у тебя такое?

Карен начала молча мотать головой. Командор не должен знать, как глупо она попалась. Что так глупо попалась именно *она*.

– Я всё-таки поймал крысу! – тяжело дыша, но торжествующе объявил Гартти. В голосе Холта появилось вежливое удивление:

– Вот как? И что же ты собираешься с ней сделать?

– Хм-м-м... пожалуй, это зависит от тебя, дружище.

Карен напряглась: Николас торопливо обшаривал её одной рукой – искал оружие, но с... излишним пристрастием.

– Что ты там бормочешь? Я тебя не слышу, Николас.

– Я говорю: наша игра немного изменилась. Теперь у меня есть заложник.

В голосе командора послышалась усталость.

– Правил на ходу не меняют, Николас. Ты же знаешь управленческую установку насчет заложников...

– Да, конечно: взят в заложники – сам виноват, сам и выпутывайся. А если этот заложник...

Карен боднула затылком его в челюсть. Гартти прикусил язык, а Карен беззвучно ахнула от мгновенно усилившегося захвата. Он сейчас одним движением может сломать ей шею... Гартти шипел от боли над её ухом.

– Заложник, Николас? – напомнили издали.

Гартти опять засмеялся, сказал – слегка невнятно:

– Тебя всё-таки волнует судьба этой крысы?

– Да. Как и любого работника управления. Как и твоя, Николас.

– Ты знаешь, что я тебя ненавижу?

– Теперь – да, – медленно сказал командор.

– Думаешь, ты – мой благодетель? Вытащил меня из той перестрелки, а потом из петли – и я должен быть тебе за это по гроб жизни благодарен? За работу, за это... инвалидное кресло? А я смотрю на тебя – здорового, красивого, великолепного! Ненавижу!

Пауза. Командор сказал негромко:

– Можешь мне не верить, Николас, но я тобой всегда восхищался. Твоим упорством, мужеством, умом. Я иногда прикидывал: а если б тогда случилось наоборот... я бы, наверное, не смог.

Великолепно. Они тут будут обмениваться комплиментами и реверансами, а она тем временем задохнётся в захвате Гарти. Командор точно услышал её, потому что сказал:

– И что мы будем делать дальше, Николас?

– А ты как думаешь?

– Теперь, когда ты взял заложника, мне придётся вызвать службу безопасности. Кстати, он всё ещё жив?

– Хочешь поговорить с командором? – насмешливо выдохнул ей в ухо Гарти. Карен мотнула подбородком. – Не-ет, Алекс, заложник с тобой говорить не желает. Чем-то ты его обидел.

– Все на меня сегодня обижены, – пробормотал командор. Карен невольно представила, как он потирает челюсть – как всегда, когда раздумывает. – Не мой день, не мой день...

– Да уж, явно не твой! – подтвердил наслаждавшийся ситуацией Гарти. Карен понимала – он не надеется выбраться из Управления живым, и не представляет, как выкрутится из ситуации его... хм... друг. Ведь архивариус тоже был *специалистом*. Но и для спеца предложение прозвучало неожиданно:

– Возьми меня вместо заложника.

Карен задержала дыхание.

– С какой это стати? Хочешь положить свою жизнь за эту крысу? Ты хоть знаешь (он легонько встряхнул Карен, та зашипела от злости и бессилия) – кто это?

– Какая разница, кто, – сказал командор устало. – Работник Управления. Как и ты, Николас.

– Я-а-а?

– Да, Николас. Я что-то не припоминаю, чтобы ты подавал рапорт об увольнении. Так что ты – всё ещё работник Управления. И я за тебя отвечаю.

– Это твоё чёртово Управление!

– Оно и твоё тоже. Мы строили его вместе с тобой. Управление всё нам заменило – семью, друзей, женщин...

– Напоминаешь о корпоративной солидарности?

– Нет, Николас, – сказал командор. – Никаких психологических изысков. Никакого давления. Ты же специалист. Ты всё понимаешь.

– Вот именно... – пробурчал Гарти. Карен едва не хмыкнула: никаких психологических изысков? А если он согласится на предложение командора

о смене заложника? Где у Гарти оружие? Не может же быть, чтобы у него не было оружия! Только сейчас он не сможет его достать – для этого ему придется её отпустить или отключить.

Или убить.

Карен выпрямила дрожащую от напряжения ногу, которой она упиралась в стеллаж, и лягнула контейнер, стоявший на полке – тот с грохотом вылетел на ту сторону, дождём застучали рассыпавшиеся карточки...

– Николас?! – позвал командор.

– Что ж ты... делаешь... – Гарти с трудом удерживал внезапно взбесившуюся заложницу. Карен беспорядочно лягала воздух, иногда попадая по стеллажу, иногда нет – архив заполнился металлическим гулом... или это звенело у неё в ушах... в сгущавшейся тьме мерцают красные искры... если командор не сообразит... он... Гарти... больно... как... боль... но...

Она упала – то ли в эту тьму, то ли просто... упала.

Карен лежала на животе, тупо разглядывая пол. Вспыхнувший свет горел ярко, и на полу были видны какие-то коричневые точки-пятна.

Он её не убил. Он не убил её.

Взгляд двинулся дальше, выше. Остановился на протянутой ей руке. Белой, ухоженной. Сильной. Уцепившись за неё одной рукой, а правой, подвывихнутой, слабо придерживаясь за стеллаж, Карен поднялась. Воображение живо нарисовало, какое жалкое зрелище она сейчас из себя представляет: порванные на бедре колготки, форменная рубашка с отлетевшими пуговицами, на лице – ссадины... И юбка блистает своим отсутствием.

– Так, – сказал командор. – Это всё-таки вы.

Хотелось бы, да не отопрёшься... Карен открыла рот и, сморщившись, потрогала пальцем разбитую губу. Командор с ничего не выражающим лицом достал из кармана пиджака платок и протянул ей. Посмотрел на лежащего навзничь Николаса. Проход загромождала опрокинутая коляска.

– Он жив, – пробормотала невнятно Карен.

– Вижу.

Холт ногой отодвинул пистолет подальше, наклонился и поднял его. Проверил магазин.

– Полный. Почему он не стрелял?

Карен машинально тёрла ноющую шею.

– Наверное, потому же, почему не свернул мне шею. Просто не хотел... Вы ведь тоже не хотели убивать его, командор.

– Ну, у меня есть на то причина, – сказал Холт, будто бы оправдываясь. – Мне нужна информация.

– Да, и поэтому вы пришли арестовывать его, как сказал ваш... приятель, – один и без оружия.

Командор смотрел внимательно.

– Что вы имеете в виду, Эшли?

– Николас недавно говорил, как ему не хватает адреналина... может, он и пошёл-то на... передачу данных только потому что заскучал без риска. Но и вы, судя по всему, не лучше, командор. Уж извините.

Командор потёр подбородок.

– Да-а?.. отменный психоанализ, Эшли! А вы-то каким образом очутились в нашей испорченной компании?

– Я... составляю рапорт, командор. А теперь вызовите, наконец, службу безопасности!

– Мне нравится, как вы раздаёте приказы, младший офицер Эшли.

– Прошу прощения, командор, – непокорно ответила Карен. Холт деловито произнёс в воздух:

– Кальвин? Вы всё слышали и видели? Отлично. Пришлите сюда своего человека. Лучше двух, пока наш архивариус не очнулся, – опустил руку и слабо улыбнулся открывшей рот Карен. – Как видите, я разучился рисковать. Меня прикрывают.

– Конечно, разучились. Совершенно, – согласилась взъерошенная Карен. – Гарти мог выпустить в вас весь магазин, а потом – конечно же! – прибежало бы всё ваше прикрытие.

– Но ведь не выпустил же, – резонно возразил Холт. – А теперь, Эшли... вы не хотели бы одеться? Вы выглядите как жертва сексуального нападения.

Ч-чёрт! Карен поспешно начала застёгивать рубашку. Пуговиц не хватало. Пошла между стеллажей, разыскивая ряд, где она сбросила юбку. Командор и не подумал посторониться, и ей пришлось протискиваться мимо него. Тело обострённо отозвалось на его близость – точно поверхность её кожи вдруг удвоилась, нервные окончания просто заискрили.

– Эшли.

Она оглянулась. Командор сказал серьёзно:

– Никогда мысль о... столе не казалась мне настолько привлекательной.

Карен моргнула. По позвоночнику у неё пробежали мурашки – когда она на мгновение, всего на мгновение представила...

Мне тоже, командор, мне тоже.

Неужели она произнесла это вслух? Иначе бы откуда у него на лице взялась *такая* улыбка?

Архив вдруг заполнила толпа народа – очень возбуждённого и очень серьёзного народа. Ей разрешили умыться, обработать и заклеить пластырем ссадины. Потом Карен несколько часов отвечала на вопросы и писала рапорт. Потом взглянула на часы и поняла, что ехать домой слишком поздно.

Так что сотрудники – даже приходящий раньше всех Неру – застали Карен уже на рабочем месте.

– Так-так-так! – сказал Неру, привычно присаживаясь на краешек её стола. Он с живым любопытством рассматривал следы ночного бдения на лице подчинённой. – И что же происходило сегодня ночью в этих благословенных стенах?

– А что тут могло происходить? – буркнула Карен. Она не выпила болеутоляющего, еле ворочала шеей, и с осторожностью – челюстью, ни секунды не соснула, была угнетена предательством человека, который ей не безразличен, взвинчена предстоящей встречей с Холтом – ведь придётся же им когда-нибудь встретиться! – и на политес с непосредственным начальством её уже не хватало.

Неру неопределённо покрутил в воздухе пальцем:

– Да вот чую, носится в воздухе что-то эдакое...

Подоспевший Хаммер врос в пол, уставившись на Карен. Спросил с состраданием:

– Карен, лапочка, ты ночью, случаем, не садомазохизмом занималась? Причем на стороне «мазо»?

Карен вымученно улыбнулась.

– Практически в точку!

Причём в болевую.

В женской комнате офицер-секретарь из соседнего сектора поинтересовалась осторожно:

– А знаете, офицер, что вы забыли одеть чулки?

– Я не забыла. Я их порвала.

– Ох! – сочувственно сморщилась женщина. – У меня есть запасные. У вас ведь, кажется, второй размер? Сейчас принесу.

Исчезла, прежде чем Карен успела возразить. Вернувшись, протянула нераспечатанный пакет.

– Пуговица тоже оторвалась?

Карен заменила несуществующую пуговицу булавкой, но ворот рубашки разошёлся, открывая краешек бюстгалтера. И свеженькие кровоподтёки. Карен перезастегнула булавку. Вскинув голову, увидела, как женщина сжала губы в ниточку. Секретарь сказала сухо:

– Конечно, не моё это дело, но бросай ты его, раз он так с тобой обращается!

И вышла, не дожидаясь ответа, – или когда её куда-нибудь пошлют. Вот уже второй человек в Управлении считает, что она провела сегодня бурную ночь.

В принципе, не так уж они и не правы.

Плакаты и постеры по-прежнему вызывающе ярко смотрели на неё со стен архива. Недолго им осталось – новый ИО архивариуса Управления, насколько она знала, предпочитает деловую обстановку. Никаких задушевных разговоров и – её взгляд остановился на запертом «баре» Гарты – спиртных напитков.

И кофе.

Программисты возились с компьютером – «монстром», как называл его Гарты. Молоденькие «эсбэшные» техники с блокнотиками громкими голосами проводили опись содержимого стеллажей. Один строго глянул на Карен.

– Вам что-то нужно, младший офицер?

– Нет.

Да.

Верните всё, как было. Сотрите из файлов моей памяти эту ночь. Кинув последний взгляд на архив, Карен повернулась к двери.

На неё смотрел командор. Может, и он пришёл попрощаться с прошлым? Выглядит как обычно – не скажешь, что вторые сутки без сна.

– Командор... – пробормотала она, проскальзывая мимо.

– Эшли.

Она вернулась.

– Не уходите. Как дела, Маркус?

Офицерики стояли навтыжку, озабоченный ИО выскочил из-за стеллажей. Он был полным, круглоголовым, и то и дело вытирал потеющую лысину то платком, то ладонью.

– Работы очень много, командор... ещё бы людей...

– Обходитесь этим количеством. И проследите, чтобы здесь не болтались посторонние.

ИО кинул рассеянный взгляд на постороннюю Карен, сказал:

– Так точно, командор. Разрешите приступить?

– Продолжайте, Маркус.

Командор пошёл вместе с ней по коридору.

– Что они ищут?

– Хоть что-нибудь.

Карен помолчала.

– Как он?

– Жив и практически здоров. Получил небольшое сотрясение мозга, когда, – командор помедлил, – упал.

Когда его уронили.

– Отвечает?

Холт слегка улыбнулся.

– Пока в основном ругается. Но будет.

– А зачем вы всё-таки пошли к нему... в архив?

Он пожал плечами:

– У нас не доставало фактов.

Карен глядела на него во все глаза:

– То есть, вы специально подставились, чтобы контрразведчики могли собрать недостающие факты?

Командор молча развёл руками. И контрразведка согласилась с таким идиотским планом? Дурдом, а не Управление, подумала Карен, и во главе его – то ли главврач, то ли самый главный помешанный...

Они дошли до конца коридора. Карен оглянулась на приоткрытую дверь архива.

– Значит, всё?..

Если бы командор переспросил, она и сформулировать не смогла бы, что имеет в виду. Не переспросил – значит, понял. В сумраке коридора она не видела его лица, когда он сказал:

– Понимаю, что вы не выспались...

Мягко сказано. Очень мягко.

– ...вы не могли бы составить мне сегодня компанию, Эшли?

– Конечно, – просто сказала она.

Она не думала, что когда-нибудь вновь окажется в его квартире.

– Я обещаю молчать.

– Что?

Она обернулась к помогающему ей снять плащ командору. В серых глазах плясала уже знакомая смешинка.

– Молчать, – повторил он. – Буду нем, как рыба. А то, не дай бог, опять что-нибудь лягну и получу от вас по физиономии...

Карен протянула перед собой руки, скептически оглядела расцветшие на коже многочисленные синяки. Ответила в тон:

– Вот уж сегодня вряд ли!

– Мне показалось, или врач велел вам носить правую руку на перевязи?

– Велел, – она осторожно пошевелила распухшими пальцами. – Очень мешает. Разве что на ночь одеть...

Они встретились глазами.

– Вот уж сегодня – вряд ли, – сказал Холт серьёзно.

Они лежали в полумраке – горел лишь низкий прикроватный светильник. Карен спала, уткнувшись носом ему в плечо: похоже, она устала всё-таки больше него, и то, что они сменили интеллектуальные игры на сексуальные, дела не меняло. Дышала тихо, горячо. Он осторожно скользил пальцами по её гладкой коже.

Он потерял брата.

И друга.

Но взамен он получил любимую женщину. Насколько равноценна замена...

Он нашёл взглядом невидимый объектив камеры и широко улыбнулся. Карен будет в восторге – когда узнает.

Что ж, у каждого есть свои маленькие слабости...

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»